

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 9 (6404) 2017

ДӨНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарами в 985 году («Повесть временных лет»)

Художник Баки Урманче «Сбор винограда». 1958 год.

Покоритель
океана науки

с. 5

Начало
большого
пути

с. 11

Татарская деревня... с. 4

Поэт нашего
времени

с. 12

Честолюбивы
и надменны

с. 9

Равиль Файзуллин

МОЙ ЯЗЫК

Язык народа моего,
как тысячи других:
несуетлив и скромн.

Сродни пожатию руки,
неслышному движенью крови.

Как деревенской девушки наряд,
застенчив он и прост, —
парламенты на нем не говорят,
конгрессы открывать не привелось
на языке моем...

Не украшает щеки он и деньги,
не объявляет войны никому.
На языке моем смеются дети
среди лугов в ромашковом дыму.

Язык народа моего,
как тысяча других,
певуч, протяжен,
свой лад-печаль «Рамай» и «Аллюки»
о нем расскажет.
«Караурман», «Сарман» и «Гульджемал» —
щемящая душа народа,

как будто бы упал туман
и сон рассветный встретила природа.

Общедоступен он,
но не в единый миг
хлеб зреет,
нить прядется,
дубится кожа,
бьет родник.
Кому испить его воды придется,
тот не забудет мой язык.

Перевёл Рустем Кутуй

КАЗАНЬ

В Казани в День Республики Татарстан состоялось торжественное открытие памятника поэту Хади Такташу. В церемонии приняли участие Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов, заместитель Премьер-министра РТ Василь Шайхразиев, руководитель Аппарата Президента РТ Асгат Сафаров, мэр Казани Ильсур Метшин, председатель Союза писателей РТ Данил Салихов и деятели культуры.

Памятник находится в сквере на пересечении улиц Салимжанова и Хади Такташа. Авторами проекта выступили заслуженный художник России Андрей Балашов, народный художник Республики Татарстан Асия Минуллина и заслуженный архитектор РТ Герман Бакулин.

Поздравив собравшихся с Днем Республики, Рустам Минниханов отметил, что памятник Хади Такташу установлен в рамках подготовки к празднованию 100-летия со дня основания ТАССР. До 2020 года планируется реализовать комплекс мероприятий по увековечению памяти и популяризации имен видных творческих и общественных деятелей республики.

«Хади Такташ является выдающимся писателем, внесшим огромный вклад в развитие татарской поэзии. Он должен быть примером для молодых поэтов», - заявил Президент РТ.

В Казани состоялась церемония открытия мемориальных досок двум видным государственным деятелям Фикряту Табееву (1928-2015) и Гумеру Усманову (1932-2015).

В мероприятии приняли участие Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов, государственный Советник Татарстана Минтимер Шаймиев, Премьер-министр РТ Алексей Песошин, Председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин, представители органов государственной власти, видные деятели культуры.

Руководитель Татарстана и другие выступающие в один голос повторяли, что Фикрят Табеев и Гумер Усманов внесли огромный вклад в развитие Татарстана и России.

«Мы сегодня увековечиваем имена наших руководителей республики - Фикрята Ахмеджановича и Гумера Исмагиловича. Они создали ту базу, которая позволяет нашей республике быть конкурентной. Наши успехи - заслуга этих людей. Мы всегда должны помнить имена деятелей, которые внесли значимый вклад в развитие нашей республики и страны», - сказал Р. Н. Минниханов.

В Казани открыли памятник выдающемуся композитору Рустему Яхину. Памятник расположен в сквере по улице Большая Красная, напротив здания Казанской государственной консерватории имени Н.Г.Жиганова, где он работал.

В торжественной церемонии приняли участие Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов, государственный советник Республики Татарстан Минтимер Шаймиев, Министр культуры Республики Татарстан Айрат Сибгатуллин, мэр Казани Ильсур Метшин, председатель союза композиторов РТ и РФ Рашид Калимуллин, ректор Казанской государственной консерватории Рубин Абдуллин и другие видные деятели культуры и искусства.

«Рустем Яхин - великий татарский композитор, народный артист СССР, участник войны, автор гимна нашей республики. Мы всегда будем гордиться его произведениями, всегда будем помнить о нем», - сказал Президент РТ в своей речи и выразил благодарность скульпторам и архитекторам, работавшим над памятником, - заслуженному деятелю искусств РТ Асие Миннуллиной, заслуженному художнику РФ Андрею Балашову и архитектору Герману Бакулину.

МОСКВА

Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов и заместитель мэра Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства Марат Хуснуллин осмотрели бывшее здание кинотеатра «Энтузиаст». Распоряжением Правительства Москвы здание площадью 12 тыс. кв метров передано в безвозмездное пользование государственному бюджетному учреждению «Центр культурного наследия Татарстана».

После проведения ремонта в этом здании откроется многофункциональный центр: будут созданы экспозиции, посвященные культуре и истории татарского и других народов, проживающих в Москве; откроется современный киноконцертный зал, где свои мероприятия и театральные постановки смогут представить творческие коллективы разных народов и регионов.

Большое внимание будет уделено детям и молодежи, для них откроют различные кружки - танцевальные, спортивные, художественные и т.д. Учитывая, что в этом районе Москвы других культурно-досуговых и образовательных центров нет, он станет местом притяжения молодежи.

В рабочей встрече также приняли участие заместитель Премьер-министра Республики Татарстан - полномочный представитель РТ в РФ Равиль Ахметшин, заместитель префекта Восточного административного округа Москвы Дмитрий Стулов, глава управы района «Вешняки» Сергей Махов, Министр строительства и ЖКХ РТ Ирек Файзуллин и другие представители правительства Москвы и Татарстана.

Пресс-служба полпредства РТ в РФ

На территории парка «Сокольники» прошла VI Международная выставка каллиграфии. Организаторами выставки выступили: Конгрессно-выставочный Центр «Сокольники», Современный музей каллиграфии, ГАУК ПКЮ «Сокольники», Мосгорпарк. Выставка прошла при поддержке Департамента культуры города Москвы.

Международная выставка каллиграфии - уникальный проект, объединяющий работы современных мастеров каллиграфии со всего мира. Темой выставки стал слоган «За жизнь». Вниманию зрителей были представлены шедевры европейской, славянской, арабской, восточной каллиграфии от 170 мастеров современности из более чем 60 стран мира, которые не оставили никого равнодушными.

Среди приглашенных каллиграфов были Тимоти Ноуд - непревзойденный мастер геральдики и иллюминирования и по совместительству официальный каллиграф при дворе Ее Величества Королевы Елизаветы II. Одним из уникальных экспонатов экспозиции стал всемирно известный проект «Библия Святого Иоанна» - рукописная библия, которую на протяжении 11 лет создавала интернациональная команда каллиграфов под руководством Дональда Джексона - выдающегося каллиграфа и исследователя истории письменности из Великобритании.

В рамках выставки прошли лекции, презентации и практические мастер-классы, в ходе которых посетители выставки попробовали свои силы в каллиграфии под руководством российских и иностранных мастеров.

Так, на своем мастер-классе художник-каллиграф Марина Ханкова представила авторскую «Русскую азбуку в рисунках», а каллиграф из Китая Ло Лэй посвятил в секреты древнего восточного искусства.

Выдающийся ученый-текстолог, возродитель традиционного татарского искусства шамаиля Наджип Наккаш поделился секретами каллиграфии на стекле. Его триптих, посвященный Г. Тукаю, «С любовью родному народу» был в центре внимания как специалистов, так и широкой общественности, явился своеобразной сенсацией. И автор это произведение подарил музею каллиграфии в Сокольниках. На этой выставке также приняли участие Гульназ Исмагилова и Роза Хузина из Казани, Айрат Хисматуллин из Екатеринбурга и Наила Лотфи из Москвы.

VI Международная выставка каллиграфии явилась уникальным событием не только для культурной жизни столицы, но и для мирового сообщества!

ТЮМЕНЬ

49 лет назад окончила Староалександровскую восьмилетнюю школу Ярковского района Тюменской области. И вот я, убеленная сединами выпускница, четырежды бабушка, впервые получившая приглашение на первосентябрьскую линейку в родную школу, стою, дрожа от волнения, сжимая в руках самый дорогой из всех букетов, которые когда-либо получала в своей жизни. Первоклашка!

Ханиса Алишина, доктор филологических наук, профессор

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

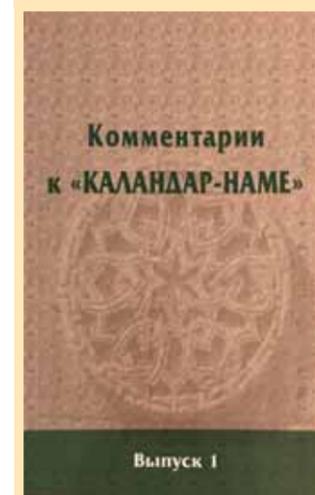
На Пискаревском мемориальном кладбище Санкт-Петербурга состоялась торжественно-траурная церемония, посвященная дню памяти жертв Блокады Ленинграда.

В церемонии возложения приняли участие и сотрудники постоянного представительства Республики Татарстан в городе Санкт-Петербурге и Ленинградской области совместно с делегацией Лениногорского района Республики Татарстан. Постоянный представитель Ренат Валиуллин и глава Лениногорского района РТ Рягат Хусаинов возложили венок от Республики Татарстан к монументу Матери-Родины и цветы к мемориальной плите, установленной Республикой Татарстан на Пискаревском кладбище в память об уроженцах Татарстана, погибших в боях за Ленинград в годы Великой Отечественной войны.

8 сентября - скорбная дата российской истории. В этот день замкнулось вражеское кольцо. На долгих 900 дней Ленинград оказался в блокаде немецко-фашистских захватчиков. На долю жителей выпали страшные испытания: голод, холод, болезни, постоянные бомбежки и артобстрелы. Но блокадный Ленинград жил, сражался и работал. Оборона города на Неве стала символом бессмертного подвига и мужества. Подвиг ленинградцев переживет века и навсегда останется в наших сердцах.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

С благословением председателя Совета муфтиев России, шейха **Равиля Гайнутдина** в издательстве «Исламская книга» вышло в свет уникальное произведение **КАЛАНДАР-НАМЕ** эпохи Средневековья, рукопись которого всего несколько лет назад была найдена исследователями Института истории АН РТ им. Марджани.

Его уникальность, в первую очередь, заключается в том, что это единственное известное нам сегодня полноценное богословское сочинение на персидском языке, созданное в XIV веке в Золотой Орде - государстве, в котором сформировалась этническая и религиозная идентичность многих коренных мусульманских народов Российской Федерации, Центральной Азии и Закавказья. Его автор - имам города Солхат (совр. Старый Крым) **Абу Бакр Каландар Руми**, по мнению исследователей, был одним из приближенных богословов хана **Узбека** (1283-1341), при котором Ислам был провозглашен государственной религией Золотой Орды, сохраняя при этом принцип свободы вероисповедания, а социально-экономическое развитие страны достигло наивысшего расцвета.

Выпуск 1

МОСКВА
16-19 АВГУСТА 2017

ДНИ КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В Москве в седьмой раз прошли Дни культуры Республики Татарстан

Мероприятием-открытием стал День поэзии, приуроченный к 70-летию поэта Разиля Валеева. На следующий день Президент Татарстана Рустам Минниханов принял участие в торжественной церемонии возложения цветов к подножию памятника великому татарскому поэту Габдулле Тукаю, расположенному в непосредственной близости от татарского культурного центра «Дом Асадуллаева». В программу дня также вошли две выставки: фотовыставка «Татары России. Фотографии конца XIX – начала XX века»; выставка изделий народных и художественных промыслов Республики Татарстан.

Главным событием Дней стал гала-концерт мастеров искусств Татарстана в Московском международном Доме музыки (Светлановский зал). Выступая перед полностью заполненным залом, Президент Татарстана рассказал, что за день получил массу позитивных впечатлений, одно из которых вызвано посещением строящегося парка «Зарядье» на месте снесенной гостиницы «Россия». Минниханов оценил размах проекта и отметил колоссальные изменения, происходящие в столице в целом.

Поднявшийся на сцену вместе с Президентом Татарстана заместитель мэра Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства Марат Хуснуллин в свою очередь выразил огромную благодарность тысячам татарстанских строителей, которые помогают Москве преобразиться: «Все знаковые объекты в Москве: и стадион «Лужники», и парк «Зарядье», и метрополитен строятся, в том числе, с участием строителей из Татарстана».

Сотрудничество между столицей и Татарстаном действительно трудно переоценить - регионы поставляют друг другу самую разную продукцию от продуктов питания до автомобилей и сложнейшей техники. Как сообщили в департаменте национальной политики и межрегиональных связей, взаимный товарооборот в прошлом году составил 78,4 млрд рублей. Для сравнения - в 2015 году он был всего 56,8 млрд.

Но сотрудничество развивается не только в экономике. Президент республики с представителями столичных властей осмотрел здание кинотеатра «Энтузиаст». Мэрия Москвы передала его в безвозмездное пользование государственному бюджетному учреждению «Центр культурного наследия Татарстана».

После ремонта в здании откроется многофункциональный центр с современным киноконцертным залом, спортивными и художественными секциями и кружками, а также экспозициями, рассказывающими о культуре и истории татарского и других народов, живущих в Москве. Будет там экспозиция, посвященная Москве и району Вешняки, где расположен кинотеатр.

Во время гала-концерта были вручены награды многим выдающимся людям искусства, медицины, промышленности и других отраслей. В частности, за большой личный вклад в укрепление дружбы между Москвой и Республикой Татарстан мэром столицы Сергеем Собяниным были поощрены благодарственными письмами Герой России Рафик Иханов, главный редактор «Российской газеты» Владислав Фронин, кардиохирург, академик Российской академии наук, руководитель отдела сердечно-сосудистой хирургии Института клинической кардиологии имени А. Л. Мясникова Ренат Акчурин и другие.

Среди награжденных Р.С. Акчурин

Государственный симфонический оркестр Татарстана под руководством А.Сладковского

Кроме того, указом Рустама Минниханова медалью ордена «За заслуги перед Республикой Татарстан» награжден руководитель комитета региональной общественной организации «Землячество Татарстана» в Москве Назиф Мириханов, а председатель Татарского национального центра Московской области Фуад Султанов стал обладателем медали Республики Татарстан «За доблестный труд». Удостоены награды и благодарностей от лица Президента Татарстана и многие другие.

Завершились Дни культуры Республики Татарстан в Москве показом документальных фильмов о выдающихся людях татарского народа.

«НАЖИБА»

Летний теплый вечер в Доме Асадуллаева. Как подходит это историческое пространство для встреч с мастерами татарского искусства! Так было и сейчас, когда в Москве проходили традиционные Дни культуры Татарстана. И хотя большая часть труппы Камаловского театра находилась на гастролях в далеком тувинском Кызыле, Дни культуры не могли пройти без любимых актеров. В насыщенной, и как всегда продуманной и целостной программе, был особый подарок московским зрителям – премьера документального фильма «Нажиба». И главная героиня присутствовала в зале.

В центре картины - народная артистка России Нажиба Иханова - её воспоминания, друзья, азнакаевские корни, великий театр, актерские дороги и любовь, определившая судьбу. Туфан Минуллин проходит через всю картину, в том числе и благодаря тонкому включению архивных съемок в ткань повествования.

Автор проекта и продюсер фильма Альфия Миннуллина и режиссер Алмаз Нургалиев ушли от стереотипных форматов юбилейных картин (а в январе будущего года в Татарстане будет отмечаться 80-летие Нажибы Гимаевны), не стали создавать хронике ролей и образов, а показали современную жизнь большой татарской актрисы. И еще один сценарный стержень картины – портрет, создаваемый художником Рашидом Гилазовым в течение всего фильма.

Ощущается вначале, что это фильм-воспоминание – об актерской жизни, где были громкие сценические триумфы, премьеры в пьесах Туфана Минуллина, в постановках Марселя Салимжанова, бережно продуманных, следующих за её даром и органикой. Но это впечатление – лишь один смысл картины. Другой и главный – мудрость, спокойствие, величественная простота, свойственная лишь подлинным актерам, которым не требуется доказывать свой талант и известность в повседневной жизни. Пример поведения для многих людей, и не только связанных с творчеством.

Нажиба Гимаевна обладает большим актерским счастьем – наслаждения от сцены, от своего труда, когда театр – праздник не только для зрителей, но и для самих актеров. Впрочем, это ощущение театра-дома и театра-праздника было заложено в самой идее Камаловского театра, уже более века являющегося одним из центров и символов татарской культуры. Радость творчества и сейчас преображает актрису. Зимняя Казань и Нажиба Гимаевна с дочерью Альфией собирающаяся на спектакль, поездка по казанским улицам, грим и сценический костюм, и наконец - выход к зрителям, которые доверяют и ждут. Все это очень трогательно показано в фильме.

Но ушедшее время не отпускает, а память согревает. Не назидательно, не поставленным актерским монологом, а просто и тепло Нажиба Иханова вспоминает свою родную деревню, студенческие годы в Щепкинском училище, радости и печали первых казанских лет. Украшением картины стали диалоги Нажибы Ихановой с Наилей Гараевой, воспоминания о московской юности и других однокурсников - Рафиля Шарафиева и Азгара Шакирова (Азгар абый еще и односельчанин Нажибы Ихановой, знает её с детства). Поколение татарских актеров, пришедших в театр в начале 1960-х гг., сыгравших свои этапные роли в спектаклях Марселя Салимжанова; они и сейчас выходят на сцену.

Много замечательных фрагментов можно выделить в этом фильме – и поездка на родину, встречи с земляками, и уютный загородный дом под Казанью. На московской премьере одна из зрительниц спросила режиссера о том, почему в картине нет сцен из спектаклей – былых и нынешних. Очевидно, что это утяжелило бы фильм; здесь была иная идея – показать актрису вне сцены, около сцены, в предвкушении выхода на сцену – её мир.

Еще один зрительский вопрос на премьере запомнился – от опытного московского музыканта Рифката Асикова – о тревожной музыке, сопровождающей картину. Мне музыка в фильме «Нажиба» отчасти напомнила стилистику американского кинокомпозитора Филиппа Гласса, ценимого многими режиссерами при передаче драматичности сюжета. Здесь сложный вопрос – с одной стороны, зритель ожидает от встречи с любимой актрисой праздника, окрашенного теплой татарской мелодией (как заложено и в её сценическом образе), но с другой – сюжет картины не столь безмятежен. Уход несколько лет назад из жизни Туфана Минуллина и ныне тяжело переживается Нажибой Гимаевной – ушла точка опоры, любимый человек, единомышленник в искусстве. Не только в словах, но и музыкальными средствами стремился режиссер Алмаз Нургалиев подчеркнуть настоящую жизнь актрисы, когда осталось многое, но ушло из жизни главное. Об этом трудном её испытании, заглушенном работой и поддержкой близких, но не пережитом, деликатно говорит в фильме и Рафил Шарафиев.

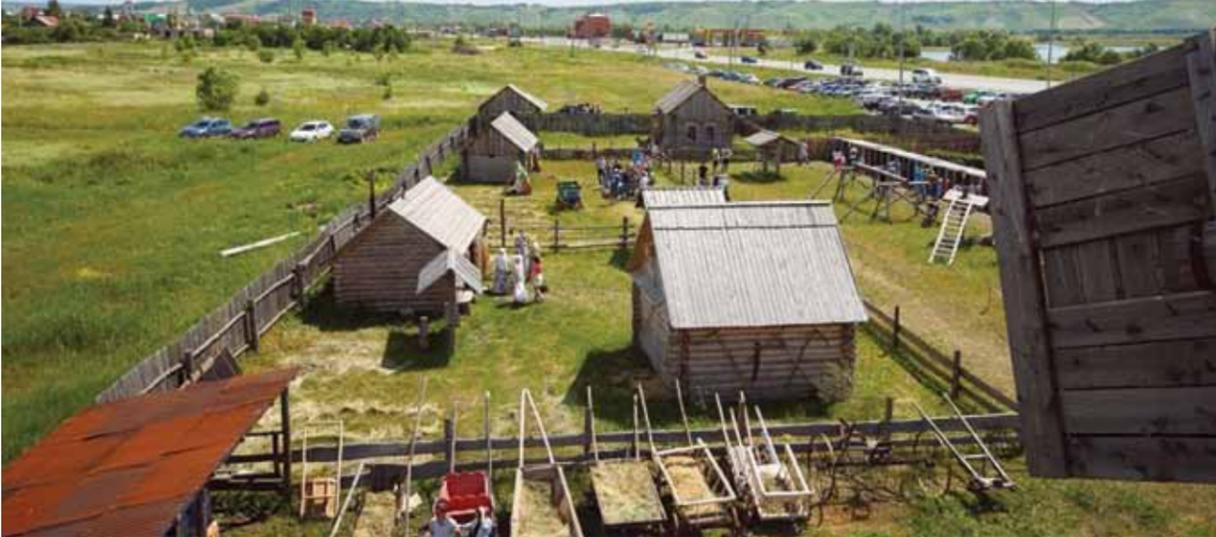
И еще одно впечатление фильма. Наш татарский литературный язык, сбереженный в родниках нации – деревнях и в стенах Камаловского театра! Вероятно, татарский язык – один из незримых героев картины.

В сентябре фильм «Нажиба» участвует в XIII Международном фестивале мусульманского кино в Казани. Его увидят и зрители юбилейных торжеств к 80-летию Нажибы Ихановой. Уже ощущается, что эту честную и светлую киноленту ждет долгая судьба.

Марат Сафаров

Лейсан Ситдикова

Музейство в старину

Этнографические музеи под открытым небом существуют почти в каждой стране. В Швеции – Скансен, в Украине – Пирогово, в Японии – музей традиционного дома Минака-ен, в Дании – Земля легенд, в США – Старый мир Висконсина... В них собраны оригинальные постройки и дома, со скрупулезной точностью воссозданы быт разных эпох. Отправиться в такой музей, пожалуй, – лучший способ узнать, как жили наши предки, чем пользовались изо дня в день, куда ходили за покупками, на чем отправлялись в гости.

В Татарстане музея, равного перечисленным по масштабам, историческому охвату и капиталовложениям, нет. Национальный комплекс «Туган авылым», который находится в Казани, не может претендовать на титул этнографического музея по той причине, что это всего лишь сеть ресторанов и кафе, выстроенная в виде нарядного лубка из новеньких срубов, с мостиками и колодцами. Лучше дела обстоят в историко-этнографическом комплексе «Музей хлеба» в Болгарах, но и там все объекты отстроены с нуля и не могут претендовать на аутентичность.

Удивительно, но факт: там, где государство пасует или тормозит, находится инициативный частник. Энтузиаст из села Большие Ширданы Зеленодольского района Татарстана Минедамир Камальдинов с помощью своих домочадцев решил «сделать сказку былью» и создал недалеко от Казани этнографическую деревню «Татар авылы». Комплекс работает уже 4 года и находится недалеко от деревни Исаково под Казанью. Его хорошо видно проезжающим по федеральной трассе М 7. На территории соседствуют кузница, гончарное подворье, огромные качели-таган, дом татарского крестьянина с традиционной печью, старый колодезь-журавль, дом Шураля. Но «воздух» музея, несомненно, деревянная мельница, построенная в годы Великой отечественной войны деревенскими женщинами.

В «Татар авылы» можно отведать знаменитый катык, сделанный по старинному рецепту села Большие Ширданы; выковать подкову или сделать своими руками кувшин; прокатиться на лошади; помыться в бане по черному, как это делали в старину; попробовать вспахать землю плугом. Было бы желание, каждый выбирает то, что ему больше нравится. Еще здесь проводятся этнофестивали и народные представления: праздник Сабантуй и театрализованные спектакли с участием героев татарских сказок. Вокруг домов свободно бегают куры, гуси, даже страус и павлин, которые понимают команды по-татарски. Ходят сотрудники музея в национальной одежде, а между ними стремительно проносятся Дамир абый (так просят называть себя директор музея), успевавшая давать своим сотрудникам ЦУ и рассказывая туристам интересные детали деревенского уклада.

История «Татар авылы» началась намного раньше. В 90-е годы Дамир абый вместе со своей женой Фаридой попали в марийский этнографический музей под открытым небом в Козьмодемьянске. Тогда они оба работали учителями в школе в своем родном селе.

– Там нас встречала марийская фольклорная группа, потом нам показали музей. Мы просто опешили от всего увиденного, – рассказывает Дамир абый. – Думали, сейчас приедем к себе в Ширданы, я тогда еще был классным руководителем, возьму своих ребят и отвезу в такую же татарскую деревню. Позвонил в минкульт, а они говорят: «Нет такой деревни в республике». Как так? Мы с женой оба любим старину, раньше до поездки в Козьмодемьянск думали, хорошо бы возродить и сохранить технологию приготовления знаменитого ширданского катыка, который еще Пушкин пробовал по дороге в Казань, когда собирал материал о Пугачевском бунте. Краеведы пишут, что Александр Сергеевич «с наслаждением вкушал неизвестный напиток». В итоге, решили сделать такую этнографическую деревню сами. Купили в 2008 году земельный участок, начали ездить с женой в экспедиции по деревням собирать экспонаты для нашего будущего музея.

Супруги Камальдиновы объездили татарские деревни Чувашии, Марий Эл, Мордовии и Татарстана. Где-то люди, узнав об их намерении, сами отдавали старинные предметы, где-то приходилось торговаться и покупать. Так разные бытовые предметы с многолетней историей начали постепенно формировать экспозицию будущего музея. Вышитые полотенца, занавески и скатерти, которые впоследствии стали убранством дома зажиточного крестьянина, отыскались в сундуке родной сестры Дамира абый. Все это приданое не пригодилось ей в городской жизни, зато украсило музей.

– Самым важным для меня было найти ветряную мельницу, – продолжает Дамир абый. – Где только не искал – и в Кировской области, и по Татарстану. Вдруг увидел в одном журнале статью о том, что в деревне Старый Кийек Высокогорского района есть старая мельница, которая никому не нужна и не ровен час сгорит. Рванул туда. Когда мы ее разбирали, к нам подошел один бабай, назвался Салимом. Рассказал, что был последним мельником и помнит, как ее строили. А было это в 43-м году. Мужчин на селе не осталось, единственную оставшуюся лошадь председатель колхоза на строительство не дал. Женщины из двух соседних деревень на себе таскали бревна, чтобы ее поднять. И если бы не мельница, деревня не выжила бы в войну. Пока я собирал и реставрировал мельницу, искал для нее детали повсюду, прошло два года. Поехал за Салимом, хотел показать – вот, дескать, ваша мельница работает, мелет муку, из которой печем хлеб. Приехал туда, а бабай уже умер, жаль, так и не увидел нашу красоту.

Вслед за ветряной мельницей на территории комплекса стали появляться ремесленные дворы – дома валенщика, кузнеца и гончара. Последний имеет почти вековую историю и был перевезен из деревни Ципья Балтасинского района. Вообще, комплекс хорош тем, что его посетителям все разрешено: хочешь играть на гармошке – играй, хочешь работать на ткацком станке – пожалуйста, хочешь научиться печь чак-чак – нет проблем. Дамир абый со смехом рассказывает, как в Литературном музее Габдуллы Тукая в Казани хотел поправить нитку, неправильно вставленную в ножную прялку, и как сразу набегали сотрудницы: «Не трогайте, нельзя!» Он вежливо пригласил их к себе в гости: «Приезжайте к нам в «Татар авылы», мы вам и прялку дадим, и все, что только захотите».

Дамир абый и сотрудники музея, в числе которых его дети и супруга, стараются найти подход к каждому посетителю. Детей младших классов никогда не будут мучить рассказами об истории, перегружая их фактами и датами. Знают, что малышам интереснее всего контактный зоопарк – погладить кроликов, покататься на ослике... А вот старшеклассникам уже можно рассказывать и о происхождении татар, и об истории Булгарского государства и Казанского ханства.

– Туристы, конечно, бывают разные. У многих из них мы сами учимся, – говорит Дамир абый. – Например, смастерил я в крестьянском доме сякэ – это такая кровать, на которой по ночам взрослые члены семьи спали, а днем она превращалась в стол, на котором ставили самовар и за которым обедали.

Поскольку я в своем детстве сякэ не застал, сделал, так, как считал нужным. А туристы татары из Москвы мне говорят: «Неправильной высоты у вас сякэ, ниже и шире должна быть». Я, конечно же, переделал. Однажды дедушка к нам приехал, ходил-ходил по музею и говорит мне: «Как не стыдно?! Чтобы на татарском дворе росла нескошенная лебеда и полынь! Такого татары себе позволить не могли!» И ведь он совершенно прав, мой недосмотр. Извинился я перед бабаем и на следующее утро вместе с сыном скошил всю траву.

Год назад Дамир абый был приглашен в Кремль на заседание Совета при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. Выступавшие перед Рустемом Миннихановым специалисты с сожалением говорили о том, что в общем туристическом потоке доля этнотуризма составляет всего 1%, а потенциал его при этом огромный и популярность растет с каждым днем. Дамир абый в своем выступлении рассказал о своем детище «Татар авылы», о том, как намерен развивать комплекс, и как мечтает реконструировать дом татарского купца и построить мечеть 17 века по старинным чертежам. Президент дал поручение ведомствам всячески помогать Дамиру абый, сказал, что этнографический туризм очень важен для республики, ведь он помогает татарам сохранять культуру, традиции и обычаи. Дал поручение включить «Татар авылы» в туристические маршруты.

– После этого к нам заехали всего два или три автобуса с туристами по дороге в Свияжск и дело заглохло, – с обидой комментирует Дамир абый. – При этом я все время слышу выступления о том, как важен этнотуризм для возрождения национальных ремесел и поддержки дружеских связей между народами. Профессор Искандер Гилязов недавно возбужденно по телевизору говорил: «Подумайте только, у нас в Татарстане до сих пор нет своего этнографического музея под открытым небом». Пусть приедет сюда, пусть посмотрит. Я не говорю, что у нас здесь все правильно и безупречно. Но так обидно бывает, что никто помочь не хочет. Я в Академию наук РТ не раз обращался с просьбой предоставить копии фотографий и чертежей крестьянских татарских домов. А они мне говорят: «Платите деньги». Спасибо покойному профессору, историку архитектуры Ниязу Халитову, который безвозмездно предоставил мне чертежи деревянной мечети 17 века. Сейчас у меня одна мечта: до холодов успеть поднять ее под кровлю, а на следующий год построить минарет. Официально приглашаю к себе сотрудников Института истории и Академии наук. Приезжайте, у вас же есть специалисты, которым зарплату из бюджета платят, пусть делом займутся, а то по телевизору руками махать все могут.

Главная достопримечательность музея «Татар авылы» – это, конечно, сам Дамир абый. В нем столько искренней привязанности и любви к родному краю, к истории и обычаям, людям, живущим рядом. Глядя на этого человека, понимаешь, что с выбором дела он угадал на все сто, а значит, все его планы воплотятся, и у музея будет длинная интересная судьба.

Узнать больше о музее «Татар авылы», связаться с Минедамиром Камальдиновым можно посетив страничку «ВКонтакте»: <https://vk.com/club55405263>

Минедамир Камальдинов всегда рад гостям

Камиль ТАНГАЛЫЧЕВ, народный поэт Мордовии

Вокровенный берег

Роберта Нигматулина

На темниковской земле, в Мордовии, в июле 2017 года собрались на конференцию потомки татарских мурз и князей. Горстка потомков собралась в Темникове, как и горстка татарских деревень, остались в этом краю от славного Темниковского княжества. Небольшие татарские деревни ныне остались на месте княжества – такова, должно быть, суровая и необратимая воля истории. И вот среди потомков князей я увидел особенного человека: Роберта Искандеровича Нигматулина – академика, научного руководителя (а до недавнего времени директора) Института океанологии Российской академии наук, лауреата Государственной премии СССР, депутата Государственной Думы России третьего созыва. Оказывается, его древние предки Терегуловы и Еникеевы – выходцы из этой земли.

Стояло холодное лето. Даже в день Сабантуя, устроенного здесь в том числе и в честь потомков мурз, лил дождь. Рассержен ли был океан, который властвовал над погодой, кстати, и на той земле, где захоронен прославленный в лике святых адмирал Ушаков?

Океанолог Нигматулин, как можно было заметить, чувствовал себя уютно в Емашевской роще, где шел Сабантуй, где пожилые женщины из здешних деревень пели, как могли, татарские песни; где в то же время поблизости был город Саров со своим ядерным центром, влияющим на судьбу всего мира. Академик Нигматулин, посетивший многие центры мира на планете Земля, сидел в переднем ряду на дощатой скамейке рядом с почетным председателем Меджлиса татарских мурз Москвы и Московской области Ринатом Шагалиевичем Кудашевым, общаясь с ним по-татарски, время от времени открывал зонт и слушал пение деревенских женщин.

Слышал ли он в это время дыхание океана – под шум дождя? Видел ли, глядя на тихое угасание татарских деревень темниковского края, как и многих других деревень по всей России, влияние океана на эти места, на этот дождь, на это цветение и увядание? И было ли влияние океана на саму историю, в глубине которой зародилось и исчезло Темниковское княжество, ставшее заметной опорой единому многонациональному государству Российской Федерации? Мне бы хотелось спросить у него в этой вроде бы непринужденной обстановке – признает ли он океан живым и мыслящим, всемогущим существом?

Но я ни о чем не спросил академика Роберта Нигматулина, не фотографировался с ним, хотя не раз мы встречались на этом пятачке Сабантуя; хотя меня интересовали его мысли о Мировом океане, хотя я слушал в интернете его блестяще профессиональные рассуждения о Гольфстриме. Я ни о чем не спросил этого знаменитого человека, который скромно ходил в ныне глубочайшей российской провинции, по Емашевской роще вблизи озера среди простых людей, которые пели песни, варили шурпу из баранины, готовили плов, жарили перемечи, не думали об океане и не узнавали океанолога Нигматулина. Может, никогда и не слышали о нем. Он и сам не старался быть узнаваемым. Возможно, он и сам здесь не думал об океане. Возможно, здесь он думал совсем о другом – об истории, о том, что наши предки куда-то не исчезают с земли, если мы помним о них, сохраняем их язык и традиции. Об-

щественная и научная значительность этого человека в данный момент органично соединялась со значительностью этой земли. Здесь когда-то бушевала историческая стихия взаимодействия народов, изменения наций, строительства государства, обмена жизненно важными национальными генами, при этом – культурного самосохранения каждого существа на этой земле народа.

Впервые был на темниковской земле академик Нигматулин – среди шума этих зеленых деревьев, шелеста мокрой травы и беспрестанного июльского дождя. Был рад тому, что увидел здесь тот самый «кара урман» (темный лес), возле которого жили его предки Терегуловы и Еникеевы. Если вдруг океан – живой и мыслящий, то и деревья непременно живые, обладающие памятью. Возможно, и тысячеклетные деревья могут помнить и предков Нигматулина – как своих

родных. Могут даже грустить о них. Не потому ли был рад встрече с этим темным, могучим и задумчивым лесом Роберт Нигматулин?

В годы правления царицы Екатерины с темниковских мест его предки переехали в Башкортостан. Они отказались креститься, за что царь Петр I лишил их имущества и званий. Но они остались достойными людьми, преданными Отечеству и не державшими обиды на свое государство. Более того, стали людьми заметными в Отечестве. Дядя академика по отцу Гениатулла Нигматулович Терегулов стал доктором медицинских наук, заслуженным врачом России, основателем Башкирского медицинского института. Отец академика Искандер Нигматулович Нигматулин (Терегулов) был доктором технических наук, преподавал в московских вузах. Кстати, это он в шестнадцать лет поменял фамилию Терегулов на фамилию Нигматулин – по имени своего отца. Хотя ни сам Искандер Нигматулович, ни его дети никогда не забывали о своей терегуловской родословной, оказавшись достойными продолжателями рода. Стихия достойной родословной была к ним благосклонна всегда. Братья Роберта Искандеровича Булат и Раис также стали докторами технических наук. Много ученых и среди его двоюродных братьев и сестер. Об этом он сам рассказал участникам конференции потомков татарских мурз и князей, состоявшейся в Темникове накануне Сабантуя.

Академик гордится тем, что его предки и в трудных условиях сохранили веру и национальность. Но при этом Роберт Нигматулин с уважением относится и к тем татарам, которые перешли в христианство и тоже стали достойными людьми Отечества. Это: Тургеневы, Кутузовы, Суворовы, Державины и многие другие. Перейдя в русскую нацию и приняв православие, они продолжали гордиться своим татарским происхождением, а на фамильных гербах сохранили золотоордынские элементы.

На конференции потомков татарских мурз и князей Нигматулин подчеркивал: мы – один народ, у нас общая история, несмотря на ее сложность. При любой государственности на нашей

земле татары жили вместе с русскими и мордвой. Это продолжается поныне – и такая жизнь, судя по всему, татарам и их многовековым братским соседям предписана не только историей, но и всемогущей природой.

Однако Нигматулин был почему-то удивлен тем, что здесь донныне сохранили свою национальную неповторимость татары и мордва, возможно, полагая, что беспощадная волна глобализации смыла национальную самобытность этого края. Татары и мордва, сохранив себя, выполнили свой исторический долг, ведь национальность, как считает Нигматулин, это долг человека: он обязан передавать следующим поколениям язык, обычаи, историю, полученную от предков. Сам он этот долг, насколько было возможно, выполнил. Его дети и внуки знакомы с татарским языком и культурой. И он высказал признательность правительству Мордовии за то, что оно способствует сохранению национальной самобытности и исторической памяти народов республики. Ведь правители, как показывает история, могут и обидеть свой народ, могут и поддержать его.

Уже потом в августе в Казани – на шестом съезде Всемирного конгресса татар я услышал рассуждения Нигматулина о том, что увеличивается число «не татароязычных» татар. Как говорит академик, мы их любим, считаем своими, поскольку они бережно сохраняют национальное самосознание, но процесс отчуждения людей от родного языка надо как-то замедлить.

В Казани Роберт Нигматулин почетно сидел в президиуме съезда, среди лидеров Татарстана, рядом с другим академиком Рашидом Алиевичем Сюняевым, получил республиканский орден Дружбы. И должно быть, по-прежнему не сомневался в том, что татарский народ, позитивный в своей основе, сегодня переживает ренессанс, поскольку в мире есть интерес к татарской культуре и самобытности, много выдающихся татар выходит на политическую, культурную, научную, спортивную арену России и мира.

А на темниковской земле в июле Нигматулин будто сливался с шумом дождя и шелестом травы, как уже слились со стихией и воплотились в ней его древние предки – татарские мурзы Терегуловы и Еникеевы. Но он, который родился в 1940 году и вырос в Москве на Арбате, целенаправленно и старательно выучил родной татарский язык, сейчас был здесь дома – среди этой природы, непременно связанной с Мировым океаном. И будто в этот дождливый день океан с неба искал здесь Нигматулина, много знавшего о Мировом океане.

Но о Мировом океане среди Емашевской рощи вспомнил, возможно, только я, когда взглянул на озеро – как на маленький и тихий океан, возле которого неторопливо ходил океанолог Нигматулин на земле своих древних предков Терегуловых, Еникеевых и время от времени то с одним, то с другим участником Сабантуя разговаривал по-татарски. И был признателен Ринату Кудашеву, оказавшему «дружеское давление», благодаря которому Роберт Нигматулин все-таки приехал на темниковскую землю...

г. Саранск

Роберт Нигматулин и Ринат Кудашев на сабантуе в Темникове

Марат Сафаров, кандидат педагогических наук

Фатима-Султан

и ещё несколько исторических сюжетов

Время действия – вторая половина XVII века. Место действия – город Касимов на берегах Оки – центр татарского ханства, просуществовавшего в Мещере около двух веков.

Нынешний интерес ученых и публицистов к старому Касимову во многом концентрируется вокруг нескольких сюжетов: образование ханства и дискуссии вокруг этого; архитектура; татарская аристократия, купечество и благотворительность. Разумеется, нынешнее «возвращение» Касимова в число ведущих исследовательских тем можно только приветствовать. Это есть продолжение богатейшей академической традиции по исследованию уникального города, причем традиции как русской историографии, так и татарской научной мысли XIX века (вспомним лишь имена Марджани и особенно Хусаина Фаизханова, посвятившего Мещере значительный отрезок своей жизни). Однако, как и прежде, поздняя эпоха Касимовского ханства не удостоивается особого внимания авторов. Упадок этого уникального татарского образования, особенно отчетливо проявивший себя при первых Романовых, пока глубоко изучается лишь в статьях рязанского историка Андрея Белякова. Долгая жизнь последней правительницы Касимова ханши Фатимы-Султан также пока не привлекает особого внимания ученых. В исторической памяти татарского народа она осталась заслоненной трагическим образом казанской Сююмбике, но сколь зеркальны их судьбы...

Татарская гора в Касимове. 1912 год

Личность этой незаурядной женщины интересовала меня с детства, впервые еще благодаря замечательным работам касимовского краеведа Николая Александровича Родина (1924-2013), где ханша часто упоминалась. Потом, Адиль Беляев, долгие годы собирающий татарские родословные, показал мне копию шежере сеидов Шакуловых, к которым принадлежала Фатима-Султан. Уже позднее от историка Дамира Хайретдинова довелось узнать предания о потомках Фатимы-Султан, бытовавшие среди нижегородских татар.

Хотелось продолжить изучение её загадочной жизни, до сих пор памятной в городской мифологии Касимова. Обращаемся к источникам. Язык русской допетровской старины, архаичный стиль часто цитируемой и поныне писцовых книг, составленной Петром Воейковым и Посником Раковым в 1627 году:

«Слобода татарская, а в ней мизгит или мечеть каменная, а напротив той мечети двор царевича Сеид-Бурхана, дом и ворота каменные, украшенные резными фигурами и татарскими надписями, а меры во дворе Сеид-Бурхана – в длину 75 сажень, а поперек 55 сажень, двор старого царя Арслана..., дом царевича дядьки; дом царицы Фатимы Салтан Сеидовны, 4 двора придворных сеитов, 37 дворов царевичей служилых и мастеровых людей и огородников; 24 двора служилых мурз и татар; 5 дворов царицы и царевых дворовых людей, 6 дворов татарских абызов, 28 дворов татарских отпущенников и вдов татарских».

Фатима-Султан родилась в семье Ак-Мухаммеда Шакулова – представителя одного из самых известных татарских родов, ведущего свое происхождение от пророка Мухаммеда. Сеиды Шакуловы издавна владели в Касимовском ханстве жалованными землями. Происходя из почитаемого рода, Шакуловы контролировали и жизнь Ханской мечети, возглавляли церемонию возведения на престол нового правителя Касимова. Благодаря придворному хронисту Кадыр-Али бию и его труду «Джами ат-тарих» сохранились подробности обряда возведения на престол касимовского хана Ураз-Мухаммеда, состоявшегося летом 1600 года.

В Ханской мечети собралось большинство местных мусульман, в том числе имамы, хафизы, имелдеши (молочные братья хана), мурзы. В мечети расстелили роскошную кошму. Сеид Буляк Шакулов прочитал проповедь-хутбу, затем четыре человека взяли кошму за четыре конца и подняли на ней хана. Потом приближенные к Ураз-Мухаммеду осыпали его деньгами и все присутствовавшие принесли поздравления; празднества продолжались в течение месяца и сопровождались пирами и раздачей милостыни нуждающимся.

Шакуловы наряду с несколькими знатными родами (прежде всего, Ширинами) по существу определяли преобладающую касимовских политических традиций в условиях частой смены ханов, приходящих в Мещеру со своими элитами. Чингизиды, как показывает в своих работах современный историк Роман Почекаев, стремились породниться с сеидами. Особенно важной родственной связью с сеидами для чингизидов стала в постордынских государствах, раздираемых феодальными, клановыми противоречиями. Это служило дополнительным фактором легитимности власти.

Закономерным стал и брак хана Арслана – внука сибирского правителя Кучума и Фатимы Шакуловой. В 1614 года Арслан, проведший детство и юность в России, получил из Москвы жалованную грамоту и стал касимовским ханом. Именованный в русских документах «царем Арсланом Алеевичем», он пользовался расположением царя Михаила Федоровича. Хан и мурзы являлись крупнейшими землевладельцами в касимовских и елатомских землях. Так большое, русское село Ерахтур с прилегающими к нему деревнями и пустошами издавна составляло одно из поместий касимовских царей и царевичей, переходившее из рода в род. Крестьяне этого села в прежние времена платили оброк царю Арслану, а потом сыну его царевичу Сеид-Бурхану по 30 и 40 рублей в год. Касимовским же царям принадлежали рыбные ловли по обеим сторонам Оки, также отдаваемые ими на откуп. С этого промысла «у рыбных ловцов» взимался оброк на царя Арслана на год по 7 рублей, причем оброк уплачивался не только деньгами, но и натурой.

Однако Москва теряла интерес к Касимову – векторы внешней политики изменились, и татарское ханство в центре России становилось анахронизмом. И доселе ограниченная власть хана становилась все более декоративной. По указу от 16 октября 1621 года право судить служилых татар – князей, мурз и простых казаков, а также взимать судебные пошлины, прежде принадлежавшее Арслану, а до него Ураз-Мухаммеду, перешло к касимовскому воеводе. Здесь необходимо отметить, что Касимов и ранее включал земли, напрямую подчиненные Москве, и власть воеводы традиционно была прочной. В ведении Арслана остались лишь его дворовые и посадские люди. Однако Романовы не спешили упразднить ханство.

Весной 1626 года хан Арслан скончался. Ему наследовал сын – Сеид-Бурхан, которому было всего около двух лет. Фактически регентами малолетнего Сеид-Бурхана стали его мать (и старшая из жен Арслана) Фатима-Султан и дед Ак-Мухаммед Шакулов. Согласно уже упомянутой писцовой книге 1627 года, за Сеид-Бурханом в Касимовском и Елатомском уездах числилось 3795 четей с полусьюминой пашни, 9110 копен санных покосов, рыбные ловли и бобровые гоны в 19 озёрах, 13 деревьев с пчёлами и 2023 бортных дерева без пчёл. В 1633 году малолетний Сеид-Бурхан приехал в Москву на прием к царю Михаилу Федоровичу. В 1638 году в Москве у церкви Петра и Павла был особый двор Касимовского царевича Сеид-Бурхан

Араслановича. Находился он в урочище Кулишки, где в Белом городе издревле селилась московская знать.

Характерно, что Сеид-Бурхан в московских документах носил уже не титул «царя касимовского», а лишь «царевича». Романовы держали Сеид-Бурхана под строгим надзором. Когда к берегу Касимова причалили корабли, на которых плыли немецкие послы, Сеид-Бурхан не посмел даже пригласить их в свой дворец, извиняясь, что это «вызвало бы неудовольствие воеводы». Но, стремясь все-таки исполнить обычаи гостеприимства, Сеид-Бурхан прислал на берег Оки подарки: двух овец, мед, кислое молоко, сливки, масло и прочие припасы. Причем слуги благоволенно сообщили, что масло собственноручно сбита для гостей ханша Фатима.

В остальном же Романовы проявляли уважение к ханской семье, сохраняли все их феодальные владения. Взаимодействие с воеводами осуществлял старый сеид, дед хана Ак-Мухамед Шакулов. Однако при том, что обращение в православие касимовской знати проходило и ранее, Романовы стали настаивать на крещении именно молодого хана Сеид-Бурхана. Еще хан Арслан препятствовал крещению мурз. В Москву неоднократно поступали жалобы, а также грамоты воевод о том, что царь Араслан Алеевич «бусурманит» новокрещенных татар и русских людей. Препятствовала крещению Сеид-Бурхана Фатима-Султан и её родственники Шакуловы. В 1636 году Касимов посетил проездом знаменитый немецкий путешественник Адам Олеарий, сообщавший, что Сеид-Бурхану было в то время 12 лет, а также, что Романовы склоняют царевича к крещению и обещают ему за это в жены дочь Михаила Федоровича. Однако Фатима-Султан стремилась сохранить сына мусульманином.

В конце 1653 года царевич Сеид-Бурхан крестился под именем Василия Арслановича, что однако не помешало ему остаться касимовским правителем. Это стало нарушением старого порядка, согласно которому татарским правителем мог быть только мусульманин, и свидетельствовало об упадке Касимовского ханства и его близком конце. Впрочем, после принятия православия хан почти не жил в Касимове, а проводил много времени в Москве, участвуя во всех церемониях двора. На иерархической лестнице он стоял выше не только самых именитых бояр, уступая место лишь представителям грузинской царской семьи.

На приемах иностранных послов он сидел «в фerezее золотой» (празднично-парадной одежде из золотой ткани с меховым воротником), по правую руку царя, подчеркивая своим присутствием могущество московского государя, у которого в числе придворных много всевозможных царевичей — его вассалов. Когда Алексей Михайлович венчался (1671) с Натальей Кирилловной Нарышкиной, Василий Арсланович исполнял почетные обязанности «сидячего в Государеву сторону».

Престарелая Фатима-Султан продолжала именоваться царицей Фатимой Салтан-Сеитовной. В отличие от казанской Сююмбике, разлученной навсегда со своим сыном Утямыш-Гиреем-Александром, и видимо окончившей свои дни в чужом для неё Касимове, Фатима-Султан имела возможность общаться с сыном, жила на родине в окружении своих многочисленных родных Шакуловых. Появились у неё и русские потомки.

Василий Арсланович был женат на Марии Никифоровне Плещеевой, дочери боярина Никифора Плещеева. У них было семь сыновей: царевичи Василий, Федор, Михаил, Яков, Никифор, Иван и Семен; и две дочери: Евдокия (жена дяди Петра Великого боярина Мартемьяна Нарышкина) и Домна (жена князя Ю. Я. Хилкова). Дети Василия именовались «Касимовскими» или даже «Сибирскими», памятуя о родстве с ханом Кучумом.

Ханская мечеть в Касимове

В 1679 году Василий Арсланович умер, но ханство вновь не было упразднено. Последней ханшей стала Фатима-Султан. С её смертью в 1681 году Касимовское ханство указом Петра I было окончательно ликвидировано. Она похоронена в несохранившейся текие хана Арслана на Старопосадском кладбище.

... Касимов, как и любой другой старый город, хранит свои легенды, полон мифов и преданий. Ландшафт тихого, чуть сонного города на Оке, живописные овраги, незримые границы былых слобод – переплетение татарско-русской истории, место одной из первых в границах современной России встреч ислама и православия. Долгая жизнь властной «царицы» Фатимы-Султан, пытавшейся сохранить ханство, с веками превратилась в городской миф, причем распространённый среди русских и татарских жителей и заметно отличающийся не только в деталях.

Среди русского населения Касимова бытует известная в городе история о происхождении фамилии купцов Алянчиковых. Фатима Сеитовна якобы разъезжала по городу в богатой, раззолоченной колыхаге, запряженной людьми. Но однажды несколько человек, которым пришла очередь впрягаться в хомуты, взбунтовались, наотрез отказавшись стать ханскими «лошадьми». Фатима побранила их: «Экие вы аляны!» (т.е. ленивые, упрямые). Но с тех пор на людях она не ездила. По преданию, от этих «алян» произошел русский купеческий род Алянчиковых...

Другие предания рассказывают о покровительстве Фатимы-Султан православию, её помощи Казанскому женскому монастырю, основанному в Касимове, в первой половине XVII века на землях, выделенных ханской семьей. В монастыре хранились иконы, пожертвованные ханшей – для одного из образов ханша с внучками собственноручно вышла серебром ризу. Когда Фатима-султан скончалась в 1681 году, по городу распространились слухи, будто ханша была задушена ночью собственными придворными, прознавшими якобы о её намерении тайно принять православие. Видимо, связь ханши с монастырем имела место, о чем свидетельствуют источники конца XVII века. В 1688 году игуменя и сестры монастыря били челом великим государям Иоанну и Петру Алексеевичам: «В прошлых де годов изстари Касимовом владели царевич Василий Арсланович (сына Алеевича) и мать его царица Фатима Салтан Сеитовна, и их, игуменью с сестрами, кормили и поили и на одежду давали из своих доходов. А как царевича

о том, что Фатима-Султан стремилась уберечь часть своих потомков, внуков и правнуков от крещения. Поэтому она якобы отправляла их подальше от Москвы, в село Пица на Нижегородчину, распорядившись называть одного ребенка каждого поколения именем последнего касимовского султана (Сеид-Бурханом), так что род касимовских царевичей, как мусульманский, не прервался с крещением её сына. Именно с этим родом связывал свое происхождение известный тверской имам Хусаин Сеид-Бурхан (1877-середина 1930-х гг.). Подобное предание может быть отзвуком реальных исторических событий – переселения части кадомских и азеевских татар, тесно связанных с касимовской знатью, на земли вокруг Сергача. Там возникли известные села нижегородских татар, повторяющие старые топонимы - Кадомка, Пошатово, наконец - Малое Рыбушкино, чье старое татарское название Аджи и сельские предания указывают на связь с большим селом Азеево на Мокше.

В самом Касимове среди Шакуловых сохранялась память о том, что представительница их рода была ханшей. Шакуловы традиционно хранили документы времен ханства, например завещание мурзы Авликеев Тенишева 1639 года, которое сеиды Хусаин-Гирей и Батыр-Гирей Шакуловы показали известному историку В. В. Вельяминову-Зернову при посещении им Касимова в 1863 году - оно было переведено на русский язык и опубликовано. В родословной Шакуловых, присланной В.В. Вельяминову-Зернову была следующая запись: «Предок наш Якуб сеид был знатным лицом в городе Елатье. Однажды какая-то женщина из Старого посада, забравшись на Старом же посаде под текию, где покоились Арслан хан и Фатима-Султан, украла с царей саваны и другие вещи. Якуб сеид повесил эту женщину на этой же самой текие». О двухэтажной текие хана Арслана и Фатимы-Султан упоминает известный касимовский архитектор XIX века Иван Гагин, отмечавший, что уже к 1824 году здание от ветхости разрушилось. При посещении В. В. Вельяминовым-Зерновым Касимова в 1863 году он застал на Старопосадском кладбище следы фундамента близ сохранившейся текие Авган-Мухаммед-Султана. Среди жителей города ходили слухи, что от текие Арслана вел подземный ход к Ханской мечети и текие Шах-Али (а это значительное расстояние). Об этом подземном ходе пишет и Н. И. Шишкин, в своей известной «Истории Касимова с древнейших времен» (2-е изд., 1891).

Памяти Миргаяса Ширинского (1954-2017)

23 августа в Хартуме скоропостижно скончался Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Судан Миргаяс Миргаясович Ширинский.

Как отмечалось в сообщении МИД России, «40 лет своей жизни он посвятил дипломатической службе, трудясь на различных должностях в центральном аппарате Министерства и за рубежом. Возглавлял Генеральное консульство Российской Федерации в Джидде (Королевство Саудовская Аравия), являлся заместителем Постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО в Париже, Послом Российской Федерации в Республике Руанда. В декабре 2013 г. был назначен Послом Российской Федерации в Республике Судан. За годы работы М. М. Ширинский зарекомендовал себя как профессионал высшего класса, признанный коллегами специалист по Ближнему Востоку и странам Африки. На последнем посту всю свою неиссякаемую энергию и накопленный опыт он направил на укрепление и развитие российско-суданских отношений».

В Судане – большой африканской стране со сложной внутривойсковой обстановкой Миргаяс Ширинский представлял нашу страну в течение почти 4 лет. Опытнейший дипломат, арабист, выпускник МГИМО, Миргаяс Миргаясович Ширинский значительную часть своей карьеры посвятил работе в странах исламского мира, блестяще знал политические, идеологические реалии государств, менталитет местных народов. Не забывал он и о своих корнях, о принадлежности к одному из самых древних татарских родов – Ширинских. Его хорошо знали видные представители мусульманской общины России. Как отметил в своем соболезновании муфтий Равиль Гайнутдин, «он принимал активное участие в ведении переговорного процесса с Министерством по делам Хаджа Королевства Саудовская Аравия по организации паломничества мусульман России. Талантливый дипломат, образованный, глубоко интеллигентный наш брат навсегда останется в памяти россиян и мусульманской уммы России, которой он всегда оказывал поддержку и помощь».

Специально для нашей газеты о встречах с Миргаясом Ширинским вспоминает известный отечественный востоковед, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН Фарид Асадуллин:

«Наше знакомство и затем продолжительное общение с Миргаясом Ширинским пришлось на 2000-е годы. Московский муфтий активно лоббировал развитие и укрепление отношений с арабо-мусульманским миром, выступая за тесное взаимодействие с Организацией Исламская конференция (ОИК). Мы познакомились на одном из мидовских совещаний, на котором активно обсуждалась возможность вступления России в эту международную организацию в качестве наблюдателя. Возможно, общие интересы в арабистике, близость взглядов и одинаковое отношение к татарским сюжетам национальной истории и культуры в целом способствовали тому, что между нами быстро установились теплые приятельские отношения. Помню наши разговоры о Йемене, где в годы нашей молодости нам пришлось работать на разных участках советско-йеменского сотрудничества. Позднее Миргаяс не раз бывал в Московской Соборной мечети уже в ранге генконсула Российской Федерации в Джидде, решая с муфтием Равилем Гайнутдином технические и иные вопросы, связанные с хаджем в Мекку и Медину российских паломников.

Потомок знаменитого татарского рода Ширинских, Миргаяс любил вспоминать какие-то важные и близкие ему детали семейной истории, которые, например, касались жизни его деда Алима - известного касимовского купца. Его дед с братьями в дореволюционной Москве, имея немалые доходы от торговых операций с Бухарой, заработанный капитал щедро расходовали на благотворительность и материальную поддержку строящейся квартальной мечети на Выползовом переулке. Об этой стороне деятельности Ширинских хорошо известно. О таких, как дед Миргаяса, в татарской среде до революции говорили: «Ак байлар» (досл. «белые богачи»), т.е. состоятельные единовверцы с предпринимательской жилкой, кто бескорыстно жертвовал на нужды своего народа и религии. Каменный дом Ширинских располагался на месте, где сегодня находится здания и корпуса Института Склифосовского, т.е. совсем недалеко от нашей мечети. Миргаяс шутил, что на пенсии воспользуется законом о реституции и вернет семейную недвижимость.

Будучи карьерным дипломатом и в большей части времени находясь вне России, конечно, у него не было времени бывать в мечети, но стремительные преобразования в жизни единовверцев он всегда отмечал и давал свои очень точные комментарии.

Судьба Миргаяса Ширинского и его предков заставляет задуматься о славном историческом генофонде татарского народа, его лучших представителях, составивших славу мусульманской общины Москвы и России. Подводя итог этим коротким воспоминаниям, могу только выразить надежду и уверенность, что жизнь и деятельность посла Миргаяса Ширинского достойны отдельного большого и обстоятельного исследования. Возможно, его сыновья или коллеги, которые его знали лучше, смогут осуществить эту идею».

Город Касимов на Оке

и царицы не стало, и Касимов со всеми доходами отписаны на государей (московских), то им денежной и хлебной руги не дают».

Официальное название татарской деревни Царицыно близ Касимова принято связывать с местом, где ханша Фатима-Султан проводила лето (по-татарски деревня именуется «Шырын» и восходит к названию рода мурз Ширинов-Ширинских).

Татары иначе трактовали образ Фатимы-Султан, указывая на её верность исламу, желание сохранить ханство или род сеидов и т. д. В татарской общине Твери, среди выходцев из Нижегородской и Симбирской губерний, существовала легенда

Касимов, как и прежде, встречает гостей со всего света. И хотя в городе еще многое нужно сделать для туристической привлекательности и сохранения архитектурного наследия, Касимов во все времена года дарит свое очарование. Особый месяц – апрель, когда Ока уже освободилась от льда, а мещерский лес в округе омыт первыми весенними дождями и еще не распустилась листва. Хорошо в городе и сейчас - золотой осенью.

А чтобы нашим читателям было интересней гулять по уютным слободским улицам, мы в дальнейшем обратимся и к иным сюжетам касимовской истории.

г.Касимов

Ришат Халиков

Халиков Ришат Нурахманович родился 23 марта 1946 года в селе Чекмагушево Республики Башкортостан. Получил специальность востоковеда в МГУ им. М.В. Ломоносова и дипломатической академии.

С 1974 по 1995 год работал в системе международных отношений, включая министерства иностранных дел и атомной энергии СССР. Работал консулом СССР в Турции. С 1995 по 2005 год заместитель Министра внешнеэкономических связей Республики Башкортостан и заместитель полномочного представителя Республики при

Президенте Российской Федерации. С 2005 по 2011 год торговый представитель Российской Федерации в Исламской Республике Пакистан. С 2011 по настоящее время советник полномочного представителя Республики Башкортостан при Президенте Российской Федерации.

Сентябрь - это месяц, когда мы говорим больше о школе, об учебе и учителях. Учитель - слово, которое принято на Востоке писать с большой буквы. Эта профессия не знает каникул и перемен. Только учитель - человек с тонкой душой, горячим сердцем и багажом знаний может донести до юных умов самое важное, значимое, нужное, помогая добрым словом в выборе жизненного пути. Во все времена к труду педагога предъявлялись самые высокие требования. Именно учителя были образцом высокой духовности и интеллигентности! Эти люди всегда выделялись своими глубокими знаниями, увлеченностью, профессионализмом. Они умеют понимать детей, учить их прекрасному в познании мира. Именно таким человеком была Байна Хазинуровна Халикова, до замужества Хазинурова. В этом году ей исполнилось бы 100 лет! Ее биография - словно калька с судеб миллионов россиян, которые появились на свет и очень быстро выросли в первой половине 20 века. Родилась она в 1917 году в деревне Резяпово Чекмагушевского района Башкирской АССР. Как часто писали раньше местные газеты про маму: «Ровесница Октября». Тогда Резяпово было волостным центром. Рано осталась без отца, который в Первую мировую войну подвергся воздействию химического оружия. В 1924 году девочку отдают в первый класс. В год окончания четвертого класса в школе образуется пятый класс, а в 1931 году открываются 6,7 классы. Директором школы назначается Хабибуллин Хасан Абдрахманович, который прибыл из Туймазов. Среди первых выпускников семилетки была и Байна Хазинуровна.

Байна - очень редкое среди татар и башкир имя, переводится с монгольского, как «Счастье». Видимо, несмотря на тот сложный период ее детства и юности, она была по-своему счастлива.

После окончания семи классов поступила в Бирский педагогический техникум, по окончании которого в 1936 году начала свою трудовую деятельность в деревне Тамьян родного района. Как перспективную учительницу, ее вскоре переводят в среднюю школу № 1 в Чекмагушево, где она стала преподавать математику в 5,6,7 классах. Эти годы известны в стране как разгул репрессий. Не обошли они и Чекмагушевский район и его руководителя Саттара Латыпова, чья жизнь оборвалась в рассвете сил. Позднее, как и тысячи других, он был реабилитирован. Новым руководителем Чекмагушевского района стано-

вится бывший директор Резяповской школы Хабибуллин Хасан Абдрахманович. Судьба повторно сводит Байну Хазинуровну с этой замечательной семьей. Хасан Абдрахманович, особенно его супруга, становятся наставниками и старшими товарищами для Байны Хазинуровны в последующие годы. Даже я помню много добрых слов об этой замечательной семье от родителей, видимо, эта чета и, особенно супруга Хасана Абдрахмановича, поддерживала маму, как сироту, в ее становлении как личности. У мамы сохранилось много фотографий с супругой Хасана Абдрахмановича до военных и военных лет, в частности, когда они шьют обмундирование солдатам Красной Армии.

В этот период в родные края возвращается после службы на Дальнем Востоке Халиков Нурахман. И молодые люди находят друг друга. Вот так, 8 марта 1940 года образовалась семья Халиковых. У них родились пятеро детей. До взрослого возраста дожили четверо. Ринат 1941, Резеда 1944, Ришат 1946 и Рамиль 1951 года. Все дети - уроженцы села Чекмагушево. Рида (1942 года рождения) умерла в годовалом возрасте в результате несчастного случая. А Рамиль в мае 2005 года по болезни.

Байна Хазинуровна была очень деятельным и неравнодушным человеком. Учитывая эти качества и активную общественную деятельность, 26 июня 1938 года Байна Хазинуровна была избрана депутатом Верховного Совета БАССР Первого созыва от Резяповского избирательного округа. Хотя ей было всего 21 год! Она также избиралась депутатом Чекмагушевского районного Совета.

Родители Нурахман и Байна

Была принята в члены ВКБ (б). Как молодой коммунист, возглавляла комсомольскую организацию школы. Без отрыва от работы продолжила образование в Бирском педагогическом институте. Два срока исполняла обязанности депутата в Верховном Совете Республики.

В военное время школа продолжила работу по охвату всех детей школьного возраста всеобщим обучением. Была развернута широкая оборонно-воспитательная работа среди населения. Был налажен труд школьников для оборонных нужд на предприятиях и в сельском хозяйстве. Со всеми этими сложными задачами справлялась депутат-учитель и талантливый организатор Байна Хазинуровна. В связи с переводом супруга управляющим отделением Госбанка в город Туймазы в 1951 году она с семьей покинула родной район. Однако никогда не теряла связи с земляками, с родной деревней Резяпово.

В Туймазах Байна Хазинуровна стала преподавать в татарской школе №1, где также зарекомендовала себя только с положительной стороны. Туймазинцы не раз просили ее представлять их интересы в районных и поселковых советах народных депутатов. Бывшие ученики до сих пор помнят ее как авторитетного педагога. За трудовые достижения Байна Хазинуровна удостоена звания отличника народного просвещения, награждена медалью «За трудовое отличие», многими юбилейными медалями, почетными грамотами.

Байна Хазинуровна была также прекрасной матерью. Ее отличала доброта, любовь, забота и, конечно, учительская строгость и принципиальность. С супругом Нурахманом они всем детям дали высшее образование. Двое стали врачами, один - директором предприятия, а четвертый - дипломатом. В сердцах земляков Чекмагушевского и Туймазинского районов Байна Хазинуровна Халикова останется сильной женщиной, замечательной матерью и педагогом высокого класса.

Думаю уместно сказать о маме Байны Хазинуровны - Даутовой Халиме Даутовне 1982 года рождения, уроженке деревни Думеево Илишевского района Башкортостана, которая всегда жила в семье дочери и оказывала всестороннюю поддержку в становлении Байны Хазинуровны и в воспитании её детей. Она была чудесным человеком, всю свою душу вкладывала в судьбу дочери. Осталась рано вдовой. Потеряла на войне единственного сына.

В современном Башкортостане помнят позитивную роль Байны Халиковой в период становления парламентаризма в молодой Республике. Как депутат и опытный учитель, она внесла немало ценных предложений в Верховном Совете, сыграла важную роль в переходе на кириллицу. Говорят, человек жив ровно столько, сколько о нем помнят потомки. Отличник народного просвещения, специалист, удостоенный множественными государственными наградами, депутат различных уровней оставила о себе добрую память.

А её муж, то есть мой отец, Нурахман Халиков был третьим ребенком в семье. С папой все просто: два места работы за всю жизнь - Чекмагушское и Туймазинское отделения Госбанка СССР. Более 40 лет был на должности управляющего Госбанка (с 1939 по 1979 годы). Он свою трудовую деятельность начал в 1932 году в Чекмагушском отделении Госбанка. А в 1935 году его направляют на учебу в Казань на восьмимесячные курсы по переподготовке ответственных работников Госбанка СССР. Вернувшись в Чекмагушево, становится сначала главным бухгалтером, а потом и управляющим отделением Госбанка. В 1941 отец был призван в Красную Армию, а спустя не-

сколько месяцев был возвращен на свой ответственный пост.

В 1957 ему присвоено звание «Отличник Госбанка СССР», а в 1965 году был награжден орденом «Знак Почета». Моего отца не стало в 2012 году. Он умер в возрасте 97 лет.

Отец мамы, мой дед Нурмухаметов Хазинур 1882 года рождения взял жену из деревни Старо-Думеево, сегодня это в Илишевском районе. В тот период это поселение было крупным волостным центром, даже деревни Чекмагушево и многие другие, как Аблаево, Урняк, подчинялись Думеево. Эта деревня известна с 1795 года. В документах архивного фонда Уфимского статистического бюро и в материалах Всероссийской переписи 1917 года по деревне Резяпово Карьявинской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии приводятся сведения о семье Хазинур Нурмухаметова - тептяря, припущеника.

Удир-офицер (боцман) Хабибрахман Габдулхаликович Халиков

Он был участником Первой мировой войны, умер в 20-х годах, так как испытал на себе ужасы газовой атаки германцев. В их семье еще до войны родились двое детей: Мадина 1907 года и Шайхинур 1909 года рождения. Шайхинур участник Великой Отечественной войны (507 саперный батальон 325 стрелковой дивизии). К сожалению, 25 сентября 1941 года Шайхинур пропал без вести. Однополчане-земляки потом рассказали, как это было. Шайхинур имел золотые руки, был отличным строителем и поэтому попал в саперный батальон. Они при наступлении наших войск возводили мосты, а при отступлении взрывали. Шайхинур погиб в результате прямого попадания авиационной бомбы на мост. Мама появилась после возвращения деда с Первой мировой войны.

Я ежегодно летом приезжал на целый месяц в деревню Резяпово и хорошо помню свою бабушку. Она была удивительным человеком: добрым, трудолюбивым, отзывчивым и с очень богатым жизненным опытом. Всех маминих детей поставила на ноги именно она. Мама была занята в школе, общественной работой. Бабушка знала много интересных народных сказаний, считаю ее самым моим близким другом до школы и во время школьных лет. О ней я могу говорить бесконечно и только с добротой.

Вот такие были у меня родители и предки, которых я всегда вспоминаю с огромной гордостью.

Казанские татары честолюбивы и даже надменны...

В петербургском издательстве «Дмитрий Буланин» вышла книга выдающегося французского историка Пьера-Шарля Левека (1736—1812) «История народов, подвластных России», посвященная этнографическому описанию Российской империи XVIII века. Редактор издания Игорь Кучумов подготовил фрагмент из этой работы, посвященный татарам (с французского перевела Лилия Сахибгареева).

Казанские татары. Фото А.Карелина, 1870-е. Из «Живописной России»

После завоевания Казанского ханства Иваном Васильевичем татары, входившие в состав этого государства, рассеялись, ища спасения вдали от победителей, но когда русские сменили гнев на милость, множество их вернулось на родину своих предков. Бывшие татарские земли заняла нация-победитель, с которой они стали жить смешанно. Их можно встретить повсюду в крае, называемом сегодня Казанской губернией, территория которой намного больше прежнего татарского царства.

Большинство татар проживает вокруг Казани, занимая две знатные слободы; все прочие татары живут по особливим деревням, которые смежны отчасти с русскими же, а отчасти и с татарскими селениями. Выходцев из Казанского ханства можно найти также в Оренбургской губернии, где они живут оседло. Не следует путать их с ордами, кочующими в степях этого обширного края.

Казанские татары очень не похожи на монголов, которых столь часто путают с татарскими породами. Лица у них продолговаты, а у монголов круглы. Нос у монголов едва заметен, а у татар он сухощавый и длинный. У первых глаза устроены иначе и выдают обладателей их породы, а у вторых они маленькие, но острые и по большей части черные, походят на европейские. Сложением татары здоровы и выносливы, но худощавы, и обыкновенно небольшой рост в соединении с кротким и несколько робким взглядом придает им не очень внушительный вид.

Однако они честолюбивы и даже надменны. Вежливые друг с другом, они не менее честны с чужеземцами: от них не уйдешь без какого-либо подарка. Встречаясь, они подают взаимно обе руки, и протянув, кладут одну на другую, говоря при том: «Да будет с тобою мир!» (Салом маликам!). В ответ на такое приветствие нужно сказать те же самые слова. У восточных народов нет привычки обнажать голову, здороваясь друг с другом.

Они выказывают большое уважение к старости, и нет более ласкового выражения, чем назвать мужчину акакалом (белобородым). Поелику бороды у стариков седеют рано, это выражение означает уважение к почтенному возрасту. Они охотно приглашают стариков в советы, а все важные дела принимают, предварительно посоветовавшись с ними. Эти почтенные мужи всегда занимают первые места, в семьях исполняют роли священнослужителей и судей, читают молитвы, решают распри и предупреждают разводы.

Благодаря воспитанию и вере, к которой они сильно привязаны, татары чистоплотны, воздержаны, во всем умеренны и сердобольны. Их женщины выделяются скорее здоровым обликом, чем красотой своих черт.

Все татарские избы одного вида: почти всегда деревянные, одинакового размера и цвета, с широкими полатами, занимающими без малого половину избы. Небольшие отверстия, расположенные через равные промежутки, пропускают солнечный свет; у зажиточных людей окна закрыты стеклом или слюдой, а у бедных вместо них используются промасленные бумага или тряпки, или налимовая шкура.

Жилища скудных людей состоят из одной только избы, которой дверь выходит на улицу, и по причине плоской

кровли напоминает куб. Русские называют эти убогие дома юртами; тем же словом они обозначают землянки камчадалов, хижины тунгусов, шатры калмыков. Слово сие есть татарское, иногда оно встречается в сочинениях, посвященных России, и означает просто жилье.

Татарский домашний скраб состоит из самого необходимого и не предназначен для показа своего положения; татары исходят из своих потребностей, а не из тщеславия, и не стараются приукрасить свою скудость и пустить пыль в глаза чужеземцам. Небольшое число поваренной, столовой и чайной посуды, также земледельческой и рукодельной снасти, несколько сундуков, разложенные на полатах, которые служат им вместо кровати, стульев и столов, ковры, войлоки или циновки — вот и весь их домашний прибор...

Они бреют голову и бороду, оставляя только хохол да усы, носят рубахи, широкие штаны, кожаные чулки, ботинки и широкий камзол, перетянутый поясом или сабельной подпояской; к поясу привешивают нож, саблю и табашный прибор. Голову покрывает скуфейка (речь идет о тюбетейке. Автор называет головной убор скуфейкой, исходя из аналогии с мягкой бархатной шапочкой темных цветов, носимой православным духовенством под названием скуфья. Поверх тюбетейки татары часто надевали разнообразные меховые и матерчатые шапки, — прим. ред.), иногда расшитая золотом, на которую надевают они плоскую шапку с околышем из мягкой рухляди. Нижнее одеяние шьют из холста и обыкновенно с оторочкой, верхнее из сукна, а у богатых еще и с позументом.

Женский наряд подобен мужскому. Это востроносые сапоги, нижнее платье, украшенное на груди вышивкой в том месте, где оно застегивается; верхнее одеяние шьется из тонкого сукна и шелка, иногда из дорогих материй, и украшается бахромками, шнурками и золотыми петлицами. Пояс же носят или шелковый, или серебряным набором украшенный, голову покрывают шапкой с корольками или монетами, грудь подобной же косынкой. Волосы, собранные в косу, свисают на спину, в них влетают корольки, монеты, ленты, обернутые вокруг туловища в виде шарфа, концы которого спускаются на бедра; иногда в каждом ухе у них имеется по два кольца, скрепленных спадающей на плечи и унизанной монетами цепочкой. Они носят кольца на пальцах. Шея украшается бусами из бисера.

Оренбургские татарки носят на груди бретели (узкие полоски ткани, ленточки и т. п., пришиваемые к одежде (сорочке, сарафану и т. д.) и поддерживающие ее на плечах, — прим. ред.) с большими кистями из золотых, серебряных нитей и гвоздик, аромат которых ими любим, поэтому они часто притрагиваются к ним руками. Волосы заплетают в две большие косы и покрывают шапкой с великими ушками, украшенной сверху золотыми и серебряными монетами, как чешуей (речь идет о женском татарском головном уборе калфак, — прим. ред.). Лоб прикрывается нанизанным жемчугом. По праздникам они надевают поверх шапки вторую, с околышем из мягкой рухляди. Простые женщины носят платье из китайки (китайка — ткань, первоначально шелковая, затем хлопчатобумажная, производившаяся в Китае; массово ввозилась в Россию в XVIII — начале XIX веков, — прим. ред.) и покрывают голову спускающейся на спину фатой, в летнюю пору ходят в расшитых цветной шерстью и крепко подпоясанных рубахах.

Татарам-магометанам не дозволяется есть убитых и павших скотов. Им даже предписывается резать пойманную дичь, дабы выпустить из нее кровь. Скверными и в пищу негодными почитают они всяких хищных зверей и птиц, свиней, насекомых, червей и рептилий.

Из мяса дают они преимущество конятине. Особенно они любят жирное мясо, нарезают его на мелкие кусочки, варят его и едят руками; однако городские татары отказались от этого отвратительного обычая и пользуются ложками. Все их яства без пряного коренья, но с жиром и с маслом.

Многие сажают в огородах своих всякую зелень, а иные довольствуются полевыми растениями. С того времени, как стали они упражняться в землепашестве, вошли у них в употребление крупяные и мучные есты. Они очень любят в горячей золе печенные лепешки, но даже самые богатые не привыкли еще каждодневно есть хлеб. Повседневно они питаются кашницей из сорочинского пшена (сорочинское пшено — рис, — прим. ред.) и сваренными в воде клецками. Не меньше любят они и курмак, который делается из пшеницы, ячменя или турецкой пшеницы (турецкая пшеница — кукуруза, — прим. ред.), которую они толкут, а потом едят в сухом виде или сваренной в молоке.

Молоко они хлебают сырое или топленое и изготавливают из него множество сортов сыра. Лишь немногие имеют достаточное количество лошадей, чтобы полагать себя кобыльним молоком, которое они предпочитают коровьему. Без чая трудно им пробыть, они варят его в котлах и приправляют оный маслом да солью.

Питаются они четырежды в день и едят, сидя по-турецки на широких полатах в своих избах. До и после приема пищи совершают омовение и молятся.

Коран запрещает им употреблять крепкие напитки, но некоторые преступают сей закон. Все пьют медовуху, не почитая того за грех, иногда перегоняя ее в чрезвычайно крепкий напиток. Табак курят оба пола и всякого возраста люди так охотно, что преступают иногда и умеренность (в XVII—XVIII веках табак потреблялся в Евразии практически повсеместно, включая Московское государство и Западную Сибирь, невзирая на запреты

священнослужителей и государственных служащих, — прим. ред.).

В былые времена татары знали только пастушескую жизнь, но, оказавшись окруженными более многочисленным населением, и особенно когда русские заняли большую часть их страны, стали обрабатывать землю для своего пропитания. В этом искусстве они даже превзошли своих завоевателей. Им нравится разводить пчел, что приносит им доход.

Всякая почти деревня имеет своих кожевников, красильщиков, портных, сапожников, плотников и кузнецов. Трудолюбивый женский их пол прядет и тклет собственную шерсть или лен и пеньку своего приобретения. Многие из них упражняются в выделке юфти (сорт прочной толстой кожи, — прим. ред.), сафьяна и мыловарном деле. Их нельзя назвать ленивыми, но, имея небольшие потребности, они живут скромно, довольствуются тем, что есть, и не утомляют себя работой; будучи экономными, они при этом умудряются хорошо жить.

Их купцы энергичны и умны. Они совсем не ведают о векселях и сим подобных письменных обязательствах, посему как при закупках, так и при продаже товаров надобно быть или самим купцам, или их поверенным. По восточному обычаю торгуют они больше променом одних товаров на другие и редко используют наличные деньги. Они отвозят товары, производимые русскими и самими ими, киргизцам, бухарцам (бухарцы, бухарские татары — в русских документах того времени обобщающее название узбеков, таджиков, уйгуров и некоторых других народов, составлявших население Бухарского ханства, — прим. ред.) и иным азиатцам. Пустыни и орды разбойных народов они пересекают лишь в составе многолюдного обоза, называемого караваном. Часто бывая по нескольку лет от жилищ своих в отлучке, они иногда даже не возвращаются домой и заводят на новом месте семьи. Их торговля прибыльна, а добросовестность позволяет им быстро разбогатеть, но иногда они разоряются, становятся невольниками и заканчивают свои дни в услужении.

Сии татары не образованны, как мы, но их нельзя назвать невежами, а их знания вполне соответствуют ложным представлениям наших предков. Они не изучают древние языки, но хорошо знают свой и владеют русским. По большей части знает всякая деревня свое происхождение, а иногда имеет оное и на письме. Многие татарские мужики, а чаще еще торговые люди имеют небольшие собрания письменных повествований и очень недурное знание о происшествиих как своих собственных, так и соседственных владений, да сверх того изрядное сведение о своих древностях. Которые из них желают полнее изучить арабский язык и углубить познания в магометанстве, обучаются в школах Бухары. Именно туда должны отправляться молодые люди, которым предстоит получить духовный сан, но таковых бывает мало.

Казанские татары. Иллюстрация Паули Ф. Х., 1862.

Счисление времени они начинают с хиджры, то есть с Магометова побега, соответствующего нашему 622 году. Весь их месяцеслов основан на лунном исчислении, он начинается с равноденствия в марте. Пятница есть первый день их недели. Хотя для отправления религиозных обрядов татары следуют своему календарю, общему для всех магометан, в жизни по примеру своих соседей они используют наши месяцы и число дней нашего года.

Фэйрүзә МӨСЛИМОВА

ЯҢ СЕРЕ

Алинәгә өч яшь тулды,
Бакчага йөри инде.
-Син зур үстең хәзер, - диләр, -
Ташла имезлегеңне.

Өйдә чакта шуның белән
Йоклап китә иде лә!
Кайтып керүгә, әле дә
Имезлеккә үрелә.

Кич, караңгы төшкәч кенә
Алып кайталар аны.
Бүген үзен бакчасыннан
Бабасы килеп алды.

Бабай оста әкияткә,
Күккә күрсәтә менә:
-Кара, кызым, ай болытка
Качты, - ди, - әзгә генә.

Ай ашыкмый күренергә,
Озаккарак югалды.
-Әллә соң, - диде бабасы, -
Анда бер эше бармы?

-Мин беләм, - диде Алинә, -
Айның да сере бардыр:
Болыт артына качкан да
Имезлек суырадыр.

КЫЛАНУ

Сәет исемле бер малай
Дустына сөйләгәнне
Шигырь итеп дәфтәремә
Күчереп куйдым әле:

“Күптән түгел зоокибет
Ачтылар безнең янда.
Шуннан “вискас” йә “китекат”
Алабыз Мыраужанга.

Кайчагында, вакыт булса,
Керәбез болай гына.
Тутый кошлар, кенәриләр,
Әрләннәр дә бар анда.

Тик Мыраужан янына бит
Булмый алып берсен дә.
Шуңа күрә күзәтәбез
Сокланып читтән генә.

Әрлән балалары йоклый
Сыенып бер-беренә.
Аларда йокы сәгәте,
Дип әйттем мин әнигә.

Бер нәнүсе, елтыр күзен
Иомар-йоммас, сак кына -
Гел минем шикелле инде -
Ята кыланып кына”.

КАР БАБАЙЛАР КҮБӘЙГӘЧ

Уйнап-уйнап яуды карлар,
Йолдыз-йолдыз нәрберсе.
Кар бабай ясарга кызын
Алып чыкты әтисе.

Илсинә ялындырырмы
Әтисе чакырганда?
Дуслары да кар бабайлар
Ясый әнә урамда.

Кар бабайлар бик күп булыр...
Ә нигә бабай гына?
-Әти, - диде, - әйдә, ясык
Кар этен, аюын да.

Ясадылар зуп-зур аю,
Ишегалды түренә.
Тәгәрәттеләр этен дә...
Дуслар керде күрергә.

Энекәше тәрәзәдән
Шаккатып карап тора.
Теле яңа ачылып килә,
Бармагын гына төртә дә,
Бер “аву” дигән була,
Бер “вау-вау” дигән була.

ӘТИСЕНӘ ОХШАГА...

Бәләкәй булса да, Гөлназ
Матур икәнән белә.
Чөнки аны әнисе гел
Матурым, диеп сөя.

Тик менә әби-бабасы
Әтисенә охшата.
Монсына ул гажәпләнә,
Аңлый алмый баш вата.

Көзгә каршысына басып
Үзен кат-кат тикшерә:
Охшамаган әтисенә
Тик бер генә төше дә!

Чәчләре үреп куелган,
Аллы-гөлле бантиклы.
Әтисенә чәче кыска,
Житмәсә, ул мыеклы!

Гөлназны үпкән чагында
Кытыклай шул мыегы.
Әллә инде, зур үскәчтен,
Ул да шундый булырмы?

Аннары елап жибәрә,
Күз яшен тора коеп:
-Әтигә килми охшыйсым,
Кирәкми миңа мыек!

ЭТ ЕЛЫЙ

Аски катта эт елый,
Берүзе калган өйдә.
Елатып яткырып булгач,
Алганнар икән нигә?

Аски каттагы күршеләр
Соң кайталар шул эштән.
Ирексезләп тоткан өчен
Оялмыйлар да эттән.

Хужалары кайткан чагын
Әллә саклап торасы?
Шул мәэмайны үзезбегә
Кунакка чакырасы?

Дустым итә алсам аны,
Ул мине ташлап китмәс.
Күршеләрдән гел ваз кичәр,
Бикләнеп иза чикмәс.

Мин мәктәптән иртә кайтам,
Еш чыгарбыз урамга.
Бик бәхетле булыр ул эт,
Күпме була еларга?

Кайттылар. Төштем. Сорадым.
Исләре дә китмәде.
«Сатабыз, ал, кыйммәт», - диләр.
Минем... акчам житмәде.

Альбина Латипова: «У меня большие планы»

Имя Альбины Латиповой, выпускницы Московской консерватории по классу Г.А. Писаренко, стало известно широкой публике после блестящего исполнения партии Ханбике в опере Зульфий Рауповой «Ак буре» («Белый волк»), премьера которой прошла в рамках культурной программы Универсиады в Казани. В этом году певица окончила Центр оперного пения Галины Вишневской и сейчас является приглашенной солисткой Большого театра, в ее арсенале участие в программе молодых исполнителей Зальцбургского фестиваля, она лауреат III международного конкурса камерных певцов и концертмейстеров им. Р. Яхина, I Московского открытого конкурса вокально-фортепианных дуэтов «Piano & Voice». В интервью нашей газете Альбина Латипова рассказывает о своих педагогах, любви к татарской музыке и больших планах.

С участниками Зальцбургского фестиваля Анна Нетребко и президент фестиваля Хельга Рабль-Штадлер

- Альбина, первый вопрос весьма традиционен: с чего все начиналось? Как музыка и пение вошли в вашу жизнь?

- В принципе моя семья далека от музыки, но при этом мои родители всегда музицировали. Папа играет на гармонии, мама - на фортепиано. Я выпросила, чтобы меня отдали в музыкалку. Начала заниматься по классу фортепиано в 12-й музыкальной школе Казани. Занималась серьезно, даже участвовала в конкурсах. Потом произошла смена педагога, смена интересов, и я хотела бросать музыку. Но в нашу школу пришел другой директор Ольга Николаевна Мартынова, и она начала заниматься со мной вокалом. На одном из детских конкурсов мое выступление отметила народная артистка Татарстана, преподаватель музыкального колледжа имени Аухадеева Ания Халиулловна Туишева. После окончания школы я решила поступать на отделение татарского народного пения музыкального колледжа к Туишевой, но она рекомендовала мне заниматься академическим вокалом, и она предложила поступать в класс Клавдии Захаровны Щербининой. Вот тогда-то все и началось серьезно. Первый поход в оперный театр, первая «Аида»... Теперь сама не знаю, чем бы я еще могла заниматься.

- Почему вы решили поступать именно в Московскую консерваторию?

- Москва в моих планах возникла не сразу. По рекомендации Щербининой я вначале поехала прослушаться в консерваторию Санкт-Петербурга. Мне не было еще 18 лет и от того, что я там услышала, стало страшно. Мне говорили, что я крепкое сопрано и на поступлении надо петь Тоску. Все это я пересказала своему педагогу в училище, и она пришла в ужас: «Нет, там ты учиться не будешь. Тебя не правильно слышат и могут загубить голос». Тогда я поступила в Казанский университет культуры. Одновременно я ездила на вступительные экзамены в Москву, отчаянно хотела попасть в класс к великой певице и легендарному преподавателю Галине Алексеевне Писаренко. Пусть не с первого раза, но я поступила в ее класс.

- С чем поступали в Москву помните?

- Конечно. Я пела каватину Амины из оперы «Сомнамбула» Беллини, причем сцена эта длится минут двадцать, и все это время приемная комиссия меня внимательно слушала. Это, конечно, чудо, что я попала в Московскую консерваторию. Туда сложно поступать, сложно учиться, но это ни с чем несравнимый опыт.

- Итак, Московская консерватория, класс народной артистки России Галины Писаренко – ученицы

Роль Марфы в спектакле «Царская невеста» Римского-Корсакова в постановке Центра оперного пения Галины Вишневской

Нины Дорлиак, выдающегося педагога и певицы, блестяще выступавшей в дуэте со Святославом Рихтером. Каковы ваши самые яркие воспоминания о ней? Расскажите о методе преподавания?

- Первое, что она прививает своим ученикам, – это трепетное, ответственное отношение к профессии. Помню, на самый первый урок все мы приносили какие-то ноты с собой и, если она видела, что они небрежно склеены, делала выговор. На урок нужно было приходить за 15 минут, быть распетой и готовой – это основы профессионализма. Отношение к пению, как к работе. На уроке отработывала каждую нотку, каждую фразочку до тех пор, пока не получится идеально. И таков сам дух всей консерватории. То, как наши педагоги вели теоретические предметы, я не встречала больше нигде. Даже те, которые не были связаны с музыкой. Нас развивали всесторонне, а общая эрудированность, безусловно, отражается на музыкальном мастерстве.

- А Галина Алексеевна, занимаясь с вами, не вспоминала свою другую ученицу по имени Альбина? Я имею в виду, конечно, оперную примадонну Альбину Шагимуратову?

- Вы знаете, она нас не сравнивала. Кстати, Галина Алексеевна единственный человек, который никогда этого не делал. Стоит только кому-то узнать, что я оперная певица из Казани, первая реакция у многих: «О! Еще одна Альбина!» Это забавно, потому что мы очень разные.

- Вы поддерживаете отношения с Галиной Алексеевной?

- Вот только в июле была у нее в гостях. Казалось бы, прошло уже два года, как я окончила консерваторию, но Галине Алексеевне интересно все, что творится в моей личной и творческой жизни. Она приходила на спектакли с моим участием в Центр Вишневской, всегда настаивает на том, чтобы я ей показывала программу перед ответственными выступлениями. Каждый рабочий день в 10 утра она приходит в класс и начинает занятия.

- Казалось, при ее статусе и почтенном возрасте она могла отдать часть обязанностей на откуп ассистентам.

- Что вы?! У нее нет ассистентов. Сейчас она занята подготовкой к Первому международному конкурсу камерного пения имени Нины Дорлиак, в рамках которого прозвучат сложнейшие произведения разных эпох. Я тоже планирую выступить, и это будет, скорее всего, номер из цикла «Фацелия» Софьи Губайдуллиной.

На Зальцбургском фестивале, 2016 год.

- Альбина, что было после консерватории? Сейчас ваше резюме висит на сайте Большого театра. Как вы туда попали? Не секрет, что есть определенный разрыв между вузом и сценой, который преодолевается обычно годами.

- После консерватории была большая дилемма, что делать. Решила попробовать свои силы на конкурсе им. Чайковского, но не прошла первый тур. Думала, наверное, надо заканчивать петь, стоит вернуться домой, заняться обычными делами, помогать родителям... И тут увидела объявление о наборе в Центр оперного пения Галины Вишневской. Прослушалась, и меня взяли. Учеба в Центре придала новый импульс – заниматься, идти вперед. Через год обучения меня заметила руководитель проекта «Молодые певцы» Зальцбургского фестиваля Евамария Визер и пригласила в Австрию. Позже состоялось прослушивание в Большой театр, после чего я получила статус приглашенного солиста.

- В этом году вы закончили Центр оперного пения Галины Вишневской. Насколько эффективными были для вас два года учебы?

- Вы знаете, не зря Галина Павловна Вишневская говорила, что Центр оперного пения – это своеобразный мост между консерваторией и театром, где в процессе практической работы вокалист получает недостающую огранку. Первым делом, когда мы пришли в Центр Вишневской, попали в хор. Естественно, все новички ворчали, мол, мы – вокалисты, не будем петь в хоре. Но это дало нам колоссальный опыт и чувство свободы на сцене. В консерватории этого не хватало. Да, у нас были спектакли, но к нам относились как к студентам, а в Центре Галины Вишневской спектакли идут несколько раз в месяц при полном аншлаге, и зрители оценивают тебя без всяких поправок. Директор Центра Ольга Мстиславовна Ростропович присутствует практически на всех репетициях, говорит свои замечания и за ней

Центр оперного пения Галины Вишневской (государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы) был создан великой русской певицей Галиной Вишневской в 2002 году.

Здесь проходят стажировку по специальности «оперный артист» певцы с профессиональным музыкальным образованием; многие из них уже имеют в творческом активе сценический опыт, выступления в театрах и концертах, на международных конкурсах и фестивалях. В Центре оперного пения они готовят ведущие партии из мирового оперного репертуара; с ними работают лучшие профессора вокального искусства и высокопрофессиональные концертмейстеры, дирижеры, режиссеры, преподаватели сценического движения и танца, актерского мастерства, иностранных языков.

Важными аспектами деятельности Центра оперного пения Галины Вишневской являются организация международных проектов, крупнейший из которых – Международный конкурс оперных артистов Галины Вишневской – вот уже в шестой раз состоялся в Москве в июне 2016.

Безусловно, деятельность Центра не была бы столь интенсивной и разноплановой без поддержки, Правительством Москвы, Департамента культуры города Москвы.

окончательное слово, выйдешь ты петь спектакль или нет. И если ее что-то не устраивает, значит, пойдешь в класс и будешь оттачивать свое мастерство.

- Какие партии вы спели в спектаклях Центра?

- Можно сказать, мне повезло, я спела Бриггиту в «Иоланте» и Марфу в «Царской невесте». Ну и еще мне, как всегда, повезло с педагогами. Я занималась у двух прекрасных мастеров. Это солисты Большого театра Маквала Касрашвили и Бадри Майсурадзе.

- В одном из своих интервью Альбина Шагимуратова рассказывала, что с удовольствием исполняет татарскую музыку, которая всегда находит большой отклик не только у зрителей в России, но и за рубежом. Какое место в вашем репертуаре занимает татарская музыка?

- Приехав в Москву, татарскую музыку исполняла крайне редко. Но Галина Алексеевна Писаренко всегда просила, чтобы я готовила на занятия произведения татарских композиторов, несколько раз я исполняла их на экзаменах, и это всегда принималось на ура. Безусловно, сейчас у меня в репертуаре много татарской музыки. Очень люблю Рустема Яхина, особенно его романс «Сорная моңы». С удовольствием слушаю и исполняю произведения Фариды Яруллина, Алмаза Монасыпова, Назиба Жиганова, Шамиля Шарифуллина и, конечно, Зульфий Рауповой... Татарская музыка удивительно красива - с этими гармониями и роскошью колоратури и только ей присущим «моң». Это слово можно перевести как душевность, но это не передаст всей глубины этого понятия, которое присуще исключительно татарской и башкирской музыке.

- Как состоялось ваше знакомство с композитором Зульфией Рауповой и как оцениваете свое участие в опере «Ак буре»?

- Мы познакомились с Зульфией случайно. По ее рассказам, она искала певицу на роль Ханбике в опере «Ак буре» и рассматривала несколько казанских девочек. Ее муж пианист Рустем Кудояров, доцент Московской консерватории, видимо, слышал обо мне и рассказал Зульфие. Мы встретились с ней ранним зимним утром и я передала ей свои аудиозаписи. Она послушала и пригласила на роль. Это был мой первый опыт работы с симфоническим оркестром вообще, а тут такой прославленный коллектив, как оркестр под управлением маэстро Александра Сладковского. Вот так началось наше сотрудничество с Зульфией и, надеюсь, у нас впереди еще будут совместные творческие проекты.

- Альбина, какую цель вы сейчас перед собой ставите? Какие следующие шаги?

- Я хочу всего, везде и много. В сентябре в Большом будет «Свадьба Фигаро», в которой я спою Барбарину и, надеюсь, этот спектакль еще не раз появится в афише театра в течение года. Затем поеду в тур в рамках программы Young Singers Project. Участники Зальцбургского фестиваля разных лет в течение трех недель будут давать концерты в пяти городах Китая. Стараюсь прослушиваться и подавать документы куда только можно. Хочу петь и в театре Станиславского, и в Геликон-опере. Не собираюсь ограничивать себя только Россией и намереваюсь использовать любую возможность, чтобы попасть в зарубежные молодежные программы.

Беседовала Ляйсан Ситдикова

Талгат Галиуллин, доктор филологических наук

Печальная игра капризных струн души...

(Размышления о творчестве поэта Рамиса Аймета)

Я День, в котором притаилась Ночь.
Я звук внутри нетронутой струны.
Я Тишина, что страшной Бури дочь.
Я Ураган

в утробе Тишины.

Рамис Аймет

В 2016 году в Татарском книжном издательстве вышел в свет поэтический сборник Р.Аймета, которому автор, по обыкновению, дал необычное и загадочное название: «Ледяные паруса». Естественно, возникает «наивный» вопрос: сможет ли лодка, борясь с волнами и идя наперекор стихии, доплыть с ледяными парусами до нужного места? Возможно, это не просто условное и броское название, скорее всего оно несет поэтический и социальный смысл?.. Впрочем, склонность поэта давать своим сборникам названия-головоломки уже не новость. Только мы узнали о «Чермуховых холодах» (2000), как уже пришло время совершить «путешествие» «По ту сторону Луны» (2005). Согласно легенде, Луна, люющая свет на Землю, забрала к себе несчастную девушку-сироту Зухру вместе с ее корытлом и ведрами. Ученым еще не удалось исследовать до конца даже сторону, обращенную к нам. Но неограниченные возможности поэтического искусства способны увлечь читателя «по ту сторону Луны». В стихотворении «Разговор с образом лунной девушки по имени Зухра» Р.Аймет уговаривает опечаленную девушку, которая «всегда в небесах... всегда одна», спуститься на землю, обещая подыскать ей земного жениха.

Через звёзд белый дым
к нам беги, жизнь любя,
И с красавцем земным
обвенчаем тебя.

Опираясь на народную легенду, в которой речь идет о несправедливости, притеснениях, которые преследовали девушку, ее горьком сиротстве, Р.Аймет создал произведение легкое по форме, наполненное теплотой и сочувствием.

Вошедшие в сборник этюды «Одиночество», «Последняя надежда», «Тоска», «Тоска по Родине», «Тихий плач», «Печальный дождь», «Последний лист», выполненные в традиционной классической форме, постепенно воссоздают перед читателем мир переживаний и чувствований. Философские размышления и мелочи жизни предстают по-своему, по-новому. Это очень искренние стихи, в них печаль, раздумья об утраченном, тоска об ушедшем, от которых влажнеют глаза... Читаешь стихи, забыв обо всем, на одном дыхании! Если бы я не знал, что Рамис Аймет – мой молодой современник, открытый, доброжелательный, жизнерадостный, легкий на подъем, я бы предположил, что автор этих стихов – человек пожилого возраста, который ушел в свой внутренний мир, погрузился в печаль... Лирический герой переживает тяжелейший момент своей жизни, духовного состояния.

Как волна внутри волны шалила,
тишина молчала в тишине,
капля пела в струях люющих ливня,
а огонь плясал в ночном огне,
так и я – весь остываю, таю,
выпадаю, как роса на луг,
вглубь Земного Шара попадаю
и, как Солнце – затмеваюсь вдруг.

Под воздействием таких произведений Р.Аймета я решил назвать статью «Печальная игра капризных струн души...». Печальная мелодия души – «моң» – это та самая особенность татарских песен, мелодий, название которой невозможно перевести на другие языки и которая отражает духовный мир, историю нашего народа.

Иначе говоря, «моң» – это центральный образ-символ, проходящий через все творчество Р.Аймета. Поэт даже вступает в спор с теми, кто упрекает его в том, что он поддается грусти и унынию.

...Нет, не с высот струится к нам мотив.
То просто осень к нам уже близка.
Луч на тропинку к нам слетел чуть жив.
Куда ни глянь – кругом одна тоска.

(«Тоска» – пер. Н.Переяслова)

Тяжелые чувства и ощущения, оказывается, приходят к герою от осознания того, что мир несправедлив.

Этот мир мне – темнее, чем лес,
где плутать мне в грехах и вине.
...Я ещё не рождён. Но с небес –
уже слышится плач обо мне.

Лирический герой, хотя «еще не родился», беспокоится о последних днях. Стихотворение «День, когда я уйду» посвящено раскрытию смысла посвящения-эпи-

графа, взятого из стихотворения кумира молодых поэтов М.Цветаевой «Знаю, умру на заре»; исключительная условность ситуации также может вызвать удивление читателя.

Уместно поставить вопрос: эта лиричность, элегичность, столь характерные для творчества Р.Аймета, являются ли чертами лишь его поэзии?.. Какой из известных татарских писателей жил и творил, не страдая за горькую судьбу своего народа, будущее его языка и менталитета! Достаточно привести в пример общеизвестное – «Утраченная надежда», «Осенние ветры» Тукая, «Надежды», «Возликовала страна...» Дэрдемнда...

Саз мой нежный и печальный,
слишком мало ты звучал.

Гасну я, и ты стареешь... Как расстаться
мне с тобой?

(Г.Тукай. «Разбитая надежда» – пер.

А.Ахматовой)

Возликовала страна, воспарили над
нею ангелы,
В злобе огнем расплевался шайтан!..

(Дэрдемнд. «Возликовала

страна...» – пер.Н.Беляева)

В начальном периоде творчества еще одного великого поэта начала XX века – Такташа мы «встречаемся» с лирическим героем, живущим в ожидании рассвета, прихода светлых дней.

То ль рассвет? То ли светает?
Что с миром стало, что же с ним?
Нет и светлых дней уж боле,
И туман объял наш путь!

Нетрудно узнать слова-образы, свойственные молодому Такташу, в стихотворениях Р. Аймета «Заплутавший в эпохи», «Изгнание», хотя, повторюсь, здесь нет прямого повтора. Нет ни пышных слов, ни декоративных излишеств. В центре – лишь боль сердца, безысходность, сожаление, идея неизбежной жертвенности.

Лирический герой Р.Аймета «выходит в дорогу» с целью понять, оценить свой внутренний мир, духовное состояние и окружающий мир. Читатель, уставший от шаблонных слов и фраз, очень нуждается в тихих, спокойных, лиричных стихотворениях, в которых самые затаянные уголки души распахиваются в восхищении перед Тенгри! В то же время нельзя сказать, что Р.Аймет склонен противопоставлять внутренние и внешние переживания и чувства, прошлое и настоящее. Только к проблемам большого мира, к переживаниям и раздумьям о судьбе народа, родного языка он идет через раскрытие тайн своего сердца. Он печалится по поводу своих мыслей и переживаний, но очевидно, что причина его негативных размышлений кроется в более глобальных проблемах, и поэт вспоминает тяжелую судьбу народа, проклинает злые силы, гневается.

У Р.Аймета есть свой тонкий и изящный мир, и было бы несерьезно давать ему грубые советы: мол, пиши так, думай вот так.

В стихотворении со странным названием «Игра в жмурки» главного героя дразнит таинственная красивая девушка: она завязывает ему глаза и убегает в сторону утренней зари. Это стихотворение, полностью отвечающее «требованиям» поэтики постмодернизма, может служить примером гибкости, богатства изобразительных средств.

До сих пор ночами снится
шалль твоя, пылая ало.
Ты взмахнула ей, как птица,
и в заре тебя не стало.
День тебя ль украл у ночи?
Лишь звенело где-то эхо,
словно тонкий колокольчик
твоего ночного смеха.

(«Игра в жмурки» – пер. Н.Переяслова)

Я не стану утверждать, что Р.Аймет является продолжателем молодого Такташа, что он мастер слова, выросший из его поэтической школы. В то же время нельзя отрицать, что между этими двумя поэтами, творившими в разные эпохи, есть типологическая общность в раскрытии внутренней энергетики языка, и манере изображения чувств и переживаний лирического героя, созвучие внутреннего подтекста. С точки зрения отображения мира, обостренной передачи чувств и переживаний Р.Аймету близки также образ мысли и стиль А.Ахматовой. Русская поэтесса, не делавшая тайны из того, что в ней течет тюрко-татарская кровь, с любовью переводила татарских поэтов, начиная с Тукая, была одним из самых талантливых последователей модернизма начала XX века и его течения – акмеизма, возникшего немного позже.

Огонь, взятый у Тукая, ведет поэта к серьезным размышлениям о судьбе, будущем народа. В этой связи нельзя обойти стороной стихотворения «Последняя струна», «Звездный камень», «Татарская береза», взявших в центр размышлений тему исчезновения татарских деревень, события, представляющего собой настоящую катастрофу. Эти произведения наполнены гневом и обидой, они вонзаются в душу, словно отравленная стрела. Когда-то татарские деревни были большие, крепкие, в людях жила вера, рождалось много детей, и в то время ни царское правительство, ни советская империя ничего не могли сделать. Теперь же в деревнях исчезают школы, медицинские пункты...

*Уснули сёла... Лишь один пустынно
чуть в стороне сияет светом дом,
как капля крови, что, дрожа, застыла,
готовясь капнуть в тёмный окоём.*

*Неяркий свет, словно слеза сквозь веки,
течёт из окон, будто из очей
летит тоска через поля и реки
на стук сердец, летящий из ночей.*

(«Последняя струна» — пер. Н.Переяслова)

Пока не прочитаешь стихотворение «Татарская береза», начинающееся эпиграфом из Прокофьева «Люблю березу русскую», можно подумать, что речь пойдет о том, что у березы нет национальности. На самом деле поэт, описывая сохнущую погибающую «татарскую березу», сравнивает ее с «засыхающим родным языком» и говорит, по сути, о горькой судьбе татарского народа.

Судьбы?

*Татарской? Издревле несчастной.
И рано поседевшей от забот.
И вдруг такой вывод:*

*Нет, ты не рухнешь, ведь, презрев
опасность,*

Корнями ты вросла в родной народ.

Таким образом, поэт, являясь приверженцем медитативной лирики, даже в произведениях, где он безжалостно анализирует свой внутренний мир, не забывает о судьбе народа, родного языка, о былом историческом величии, пусть даже погребенном под песчаными барханами, но до сих пор греющем сердце каждого татарина.

*Огни тех ярких бусинок вдали
нам озаряют сквозь столетия прямо
к родной Казани путь среди земли,
где льётся песня нашей милой Камы.*

Р.Аймет — поэт метафоры. Даже в своих коротких стихотворениях размышляя о месте человека в историческом процессе, он неизбежно уходит к теме народа.

Из анализа приходим к выводу: в творчестве Р.Аймета живут, развиваются два смысловых слоя (плата), взаимопроникающая друг в друга, дополняя друг друга, даже соперничая. Один — «спрятан» за лирическим героем, это удивительно богатый слой, укутанный в метафоры, импрессионистические образы личности самого поэта, его переживания, печаль, тоску, терзания. Второй — слой, открыто отражающий мысли и заботы о народе, его истории, судьбе татарского языка. В сборнике «Ледяные паруса» Р.Аймет делает упор на неделимость этих двух направлений — судьбы человека и судьбы народной.

*На ярмарках у мира так сверкает
Все золото, что создал мой народ.
В садах у нации брожу, вкушая:
Наполнен горечью здесь каждый плод.*

Его стиль богат на поэтические украшения, символические образы, поэт точно выполняет требования таких формальных приемов, как размер, рифма, количество слогов в строке. Отсюда поэтичность, песенность его поэзии. Музыкальность, хорошее владение стихотворной техникой, в конечном счете, образованность — вот главные качества творчества Р.Аймета.

Перевод Гаухар Хасановой

Диляра Мухамедьярова

Легенда журналистики

К 100-летию газеты «Ватаным Татарстан»

Изучая архивы своего дяди Сагита Гаряевича Файзуллина, я нашла незнакомое мне название газеты, в которой он работал с 1923 по 1925 год. Оказалось, что «Эшче» — первое название газеты, которая всем известна как «Ватаным Татарстан». Причём и «Кызыл Татарстан», где в военные годы работала корректором моя мама, это всё та же газета, в которой заместителем редактора был Сагит абый. Работу в газете «Кызыл Татарстан» он совмещал с учёбой в институте журналистики в Казани. Тогда моему дяде было всего 23 года, но у него уже был приличный стаж: с 19-летнего возраста он редактировал газету «Голос бедноты» в Малмыже. Работа в газете «Эшче», впоследствии «Кызыл Татарстан», стала для него настоящей школой молодого журналиста, где он обрёл уверенность в своих силах. Ослепший в 36 лет в разгар своей карьеры, мой дядя нашел силы продолжить журналистскую деятельность и заслужить звание лауреата Государственной премии им. Хусайна Ямашева.

Сагит абый с гордостью говорил о том, что работал в газете «Кызыл Татарстан» в непростые годы становления нового государства. Когда Сагит пришёл в газету, она существовала всего пять лет. Сегодня мы празднуем столетие газеты и вспоминаем тех, кто создавал её престиж и повышал рейтинг. Творчество Сагита абый распространялось и на другие издания, с которыми он сотрудничал. Это «Крестьян газет», журнал «Яналиф», а также радиокomitee ТАССР, Татгосиздат, Литературная энциклопедия. Перу Сагита Файзуллина принадлежат первые переводы произведений русских писателей на татарский язык. Это переводы романов «Что делать?» Чернышевского, «Пиковая дама» Пушкина, рассказы Чехова.

Для меня интерес к судьбе дяди обусловлен в первую очередь тем, что он родной брат моей мамы Гаухар Гаряевны Файзуллиной (Мухамедьярова после замужества). Сагит абый родился в 1899 году (по другим данным в 1901 г.). Он был старшим в семье Саитгарая и Фатымы Файзуллиных. У четы было одиннадцать детей. Моя мама Гаухар родилась в 1926 году и была младшей в семье. Глава семьи Саитгарай был прогрессивным муллой, его силами была открыта в деревне Шода Балтасинского района медресе для девочек. В 1927 году его дом подвергся неоднократным обыскам, а сам он допросам, в результате которых вскоре умер. Семья была вынуждена тайно под покровом ночи бежать из деревни. Так, Фатыма с младшими детьми навсегда покинула родные места в поисках пристанища.

Старшему из детей Сагиту в то время было уже 27 лет. Он являлся признанным журналистом, прошедшим большевистскую школу, но от отца-муллы никогда не отрекался. В автобиографии 1967 года открыто признаёт своё происхождение, что по тем временам было невероятно смелым поступком. Возможно, именно это и стало причиной обвинения, которое ему было предъявлено в 1936 году и последовавшим за ним исключение из рядов РКПБ. Все эти события привели к слепоте. Правда, впоследствии Сагит абый был оправдан, но здоровье было окончательно подорвано.

Надо добавить, что Сагит не только был сыном муллы, но и внуком Ишмухамета Динмухаметова, в простонародье Ишми ишана — яркого противника влияния русской культуры на татарский уклад жизни, против нововведений и преобразований в устройстве общества. Ишми ишан был зверски убит в 1919 году чекистами. Возможно, именно это послужило причиной того, что мать Сагита Фатыма, которая была дочерью Ишми ишана, вынуждена была искать прибежища в чужих краях, где её никто не знал. Дед Сагита предвидел, что демократические идеи, пропагандируемые прогрессивными силами общества, приведут к потере самобытности татарского народа, его нравственного начала и страшным последствиям, которые незамедлительно проявились себя во время гражданской войны.

Как же Сагит, имея такую родословную, стал большевиком? Не надо забывать, что в 1917 году Сагиту было 17 лет. Возраст, когда юноша приветствует романтические и революционные идеи, которые олицетворяют собой прекрасное будущее, основанное на принципах справедливости. В 16 лет он остался без поддержки родных, вынужден был искать подработку, продолжая учёбу в гимназии. Как известно, учащаяся молодёжь — самая прогрессивная, впитывающая все новое. Так, молодое поколение было противопоставлено тем традициям и нравственным принципам, которые проповедовали и за которые ратовали отцы и деды.

Сагит с 16 лет сам зарабатывал себе на жизнь, используя образование, которое получил в гимназии и талант, унаследованный от дяди, знаменитого драматурга Мирхайдара Файзи. Он работал в газетах, начал писать, давал частные уроки. Этого на жизнь, конечно, не хватало. Приходилось разгружать баржи, ремонтировать дороги. Он был крепким парнем, высоким, широкоплечим. Только зрение было плохое с детства. Поэтому его не взяли в армию. Однако он нашёл себя в качестве полиграфиста. Красноречие и талант убеждения были незаменимыми для порядка в воинском подразделении. В дальнейшем, работая в Институте истории партии, он реализовал себя как преподаватель политпросвещения.

Во время войны умирает Фатыма Файзуллина. Так моя мама 14-летней девочкой осталась на попечении старшего брата Сагита. Думаю, именно благодаря ему моя мама стала такой, какой её помнят люди: доброй, мягкой, весёлой, не унывающей, эрудированной. Когда её взяли к себе Сагит и Сайда Файзуллины на воспитание, мама оказалась в совершенно новом для неё мире. Она рассказывала, что перечитала все книги брата. Среди них было много русской и зарубежной классической литературы. Сайда апа её ругала за то, что она не занимается домашними делами, а всё время читает. А мама не могла удержаться и тайком зачитывалась Марком Твенем и Чарльзом Диккенсом, погружаясь в придуманный мир, который был намного интереснее того, что её окружало: сиротство, бедность, учёба в школе, ночная работа корректором в издательстве газеты «Красный Татарстан» и война, принёсшая голод, смерть родных братьев и матери.

Мне всегда хотелось узнать больше о людях, заменивших моей маме родителей и всю семью, которых она потеряла в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Когда в 1970 году я познакомилась с Сагитом абый и Саидой апой, они были уже пожилыми людьми. Сагит Гаряевич был совершенно слепым, но его лицо излучало доброту и отзывчивость. Он говорил тихо, и вся его речь была проникнута тонким юмором, не всегда мне понятным. Несмотря на внешнюю мягкость, Сагит абый казался очень сильным. Это было проявлением его мужества, незаурядного ума и силы духа. Глубина его натуры завораживала. Он был большой тайной для меня, маленькой девочки. Это уже позже я узнала, что он был выдающимся журналистом, переводчиком, руководил работой радиокomitee, был автором нескольких книг, переводил произведения русских классиков, а также основоположников марксизма-ленинизма на татарский язык.

Сегодня ещё один вклад в татарскую культуру Сагита Гаряевича Файзуллина стал очевидным. В 1941 году и в 1957 году он опубликовал почти все произведения своего дяди Мирхайдара Файзи, великого татарского драматурга, прозаика и поэта. С Мирхайдаром Сагит связывало очень многое. Они были друзьями. Разница в возрасте составляла всего десять лет. Они вели переписку, часто навещали друг друга. В архиве Сагита абый сохранились письма Мирхайдара Файзи к нему и к его отцу. Как мы можем сейчас убедиться, больше никто и никогда не переиздавал его полного собрания сочинений. А в 1971 г. Сагит абый передал в отдел рукописей редких книг научной библиотеки им. Лобачевского весь архив Мирхайдара Файзи, который он сохранил. Все рукописи архива написаны арабской вязью и то, что Сагит абый позаботился об издании произведений на современной татарской графике (кириллице), огромная его заслуга в деле увековечивания трудов одного из основоположников татарской драматургии.

Сагит Файзуллин (в центре) с родителями и младшими братьями

Надо признать также и тот факт, что именно благодаря Сагиту Файзуллину мы имеем в нашей республике такой замечательный мемориальный уголок, как деревня Шода Балтасинского района, где любил гостить у своего брата Саитгарая Мирхайдар Файзи. В двадцатые годы прошлого века Сагит абый позаботился о том, чтобы деревня, входившая в состав Вятской губернии, была присоединена к Татарстану. Можно сказать, что он воспользовался своим служебным положением (в то время он был заместителем секретаря райкома). Так, его родная деревня избежала участи многих татарских деревень, которые отошли к Марийской Республике, к Оренбургской области, Башкирии, Челябинской области. А в 1971 году, посетив родные места, Сагит абый высказал пожелание о восстановлении беседки, где любил проводить время приезжавший к брату Мирхайдар Файзи. Эти слова Сагита абый подсказали односельчанам открыть в доме его отца музей Мирхайдара Файзи. Но это случилось уже после смерти Сагита абый.

Член Союза советских журналистов, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Сагит Гаряевич, будучи уже на пенсии, имел связь с молодым поколением. Выступая перед молодёжью в школах, музеях, домах пионеров, он делился своими бесценными воспоминаниями о героическом прошлом страны. «Большевик и Журналист» — именно эти слова высечены на его надгробном камне на Ново-Татарском кладбище в Казани. Место его упокоения является символическим местом памяти для всех журналистов горячих и боевых лет молодой страны советов.

Рафкат Карам

Голос КУКУШКИ

По лесу шагает одинокий путник. За спиной у него объемный рюкзак, в руках чемодан. Зеленоватый рюкзак, облившийся так, что стал похож на многострадальную солдатскую гимнастерку, и потрепанный дорожный чемодан наталкивали на мысль, что человек много путешествовал. Но в его походке не чувствовался присущий путешественникам уверенный и неторопливый шаг. Было видно, что и в лесу он давно не бывал.

Смуглое худое лицо путника было изборождено морщинами, над глазами нависли густые брови, чуть седоватые большие усы словно поникли. Если, пытаясь угадать его возраст, внимательно рассмотреть почти совершенно седые волосы, виднеющиеся из-под шляпы, и загоревшее на солнце лицо, то ему можно было бы дать и сорок лет, и пятьдесят.

Путник, шагавший все это время глядя себе в ноги, вдруг поднял голову и внимательно осматрелся вокруг своими карими глазами. Лучи заходящего солнца окрасили верхушки деревьев в желтый цвет. Мужчина сделал еще несколько шагов, но вдруг услышал голос кукушки и остановился. Этот звук, преодолевший расстояние, ударяясь о бесчисленные стволы деревьев, разлапистые ветки, желто-зеленые листья, был едва слышен. Вот он: один, два, три...

В этом лесу путник как раз больше всего и боялся этого звука. Потому что знал: кукушка будет куковать именно для него. И не потому ли, углубляясь все дальше в лес, он шел по обочине лесной дороги так осторожно, прислушиваясь к каждому звуку, что боялся этого голоса? Но постепенно его беспокойство поутихло.

Выйдя из леса и пройдя некоторое расстояние, путник достиг зарослей кустарника. Сюда он в молодости приходил за орехами. Продолжая двигаться вперед, путник запрокинул голову, пытаясь разглядеть среди широких листьев грозди орехов. Нет, не видно, всё собрал. Ему не осталось ни орешка.

Проходя мимо большого кладбища, окруженного аккуратным забором, путник почувствовал, как невольно зануло сердце. Никого из его близких здесь не было – ни отца, сложившего голову на белорусской земле, ни матери, приехавшей к сыну на одну зиму и оставшейся навсегда, ни его младшего брата, который во время службы в армии вместе с машиной сорвался в овраг. Мать очень хотела вернуться туда, где лежали ее предки. Но сын не смог похоронить ее здесь.

Почти впритык к кладбищу раскинулась небольшая лужайка. Раньше тут проходили вечерние игры. Путнику почудилось вдруг, что там до сих пор стоит та самая узкая скамейка, на которой он когда-то сидел, растягивая меха гармони и поглядывая искоса из-под козырька фуражки на своих приглясывающих ровесников. Вон там, в ста-ста пятидесяти шагах бьет полноводный родник. В нем очень вкусная вода, к этому роднику приходили за водой все деревенские жители, даже те, у кого во дворе был свой колодец. Он помнит, как его мать частенько вздыхала: эх, эта хлорная вода такая невкусная, вот бы хоть раз поехать домой и поставить самовар с нашей родниковой водой. Да, он хорошо это помнит. Теперь, когда его голова стала седой и он приехал в родную деревню, он, кажется, начал по-настоящему понимать состояние матери, со всей ее мукой, внутренними терзаниями, и невольно передернулся от сожаления, что не смог похоронить ее на этом деревенском кладбище.

- Сынок, ты что застыл тут?

Слова были сказаны спокойным мелодичным голосом, и путнику вдруг почудилось, что с ним заговорила мать. Но, подняв голову, он увидел перед собой старушку. Она с любопытством смотрела на путника, часто моргая подслеповатыми глазами. Затем рукой с набухшими голубыми венами передвинула палку чуть вперед, вторую руку уперла тыльной стороной в бок и спросила:

- Сынок, ты тут мимо идешь или в нашу деревню направляешься?

Путник узнал эту старушку с темно-желтоватым лицом, изборожденным морщинами, с желтыми янтарными бусами на шее. Ее лицо с большой родинкой, поросшей черными волосами, было знакомо путнику с самого детства.

- Тетушка Минлекамал, ты меня не узнаешь, что ли? Я же Нагим. Ваш сосед, - сказал он сухо.

Услышав его имя, старуха, хотя и не признала его до конца, все же посветлела лицом.

- А, сын Сахибджамал? Э-э, годы идут, - сказала она, покачав головой, - ты тоже постарел.

Нагиму были неприятны ее слова. Но старушке, похоже, не было до этого никакого дела. Позабыв о человеке, стоявшем перед ней, она погрузилась в свои мысли, опершись обеими руками на свою палку.

- Сахибджамал-то, говорят, перед смертью страдала

очень. Ситдик, покойный, жалел свою сестренку, умершую на чужбине, и говорил, мол, эх, если бы знал, сам бы привез и похоронил ее здесь.

- Как, Ситдик абый разве умер?

- Да, он тоже ушел туда, - сказала старуха, кивнув головой в круглой черной шапке куда-то Нагиму за спину. Нагим невольно оглянулся и посмотрел на кладбище.

Постояв еще немного молча, они, как люди, которым более уже нечего сказать, почти одновременно повернулись к деревне. А навстречу им по тропинке, по которой задорные девушки-подростки и сноровистые молодые невестки бегом носят воду, спускалась девушка коротком в светлом плаще, широких черных брюках и в красной платке. И, хотя уже смеркалось, красивое смуглое лицо девушки, черные брови вразлет и пухлые розовые губы, легкость походки и почти каждое движение гибкого тела показались Нагиму до боли знакомыми. Правда, во времена его юности женщины не носили брюк и туфель с высокой подошвой, словно у лаптей с деревянными чурочками для весеннего половодья, и таких плащей с широким поясом и какими-то излишествами вроде солдатских погон на плечах не носили. И все же походка и миловидное лицо этой девушки напомнили ему кого-то из его молодости.

- Старшая дочь Гульнисы, - сказала старуха, увидев, что ее спутник остановился и, обо всем позабыв, смотрит вслед спускающейся к роднику девушке.

«Старшая дочь Гульнисы? Значит, это моя дочь. Да, она точная копия матери в юности. Но почему старуха называет ее старшей дочерью Гульнисы? Почему не говорит: твоя дочь? Неужели не знает? Но как она может не знать?»

В этот день в доме Ситдика абый, куда приехал Нагим и где хозяином теперь был его младший сын Акмалетдин, до полуночи не стихала суматоха. Чайник, уже давно пришедший на смену медному самовару, беспрестанно кочевал между газовой плитой и столом. Гости угощали яствами, которые раньше попадали на стол деревенских жителей только один-два раза в год, в самые большие праздники. Он тоже достал из чемодана свои гостинцы, подарки, переоделся. Только гармонь грустно стояла в углу в рюкзаке, тщетно желая выйти на свободу.

Несмотря на усталость после дороги и чудесную пуховую перину, Нагиму сегодня не спалось. Некоторые плохо переносят перемену места. В молодости Нагим тоже был таким. Но за многие годы скитаний на чужбине он избавился от этой привычки: следуя правилу «сон перины не требует», мог заснуть там, где прикорнул. Но сегодняшняя ночь оказалась мучительной. Ему снились какие-то сны, он бредил, время от времени просыпался и часами лежал без сна.

После завтрака Акмалетдин, работавший учителем, засобирался в школу. Шутя предложил гостю:

- Пошли, Нагим абый, со мной. На мир посмотришь.

Нагим охотно согласился. Было бы неправильно думать, что в родной деревне ему больше некуда идти, кроме как дома Акмалетдина. Здесь у него было много дальних родственников. Но ему, много лет прожившему в чужих краях, не подавая о себе вестей, и вдруг в одночасье появившемуся в деревне, не хотелось с самого раннего утра стучаться в двери малоизвестных людей. Если с Акмалетдином, это одно дело, а одному... нет. Душа не лежит.

Сегодня первое сентября. На улице полно школьников. Малыши в школьной форме, с ранцами за спиной и с букетами в руках, лица серьезные, торжественные, некоторых ведут за руку родители; те, что постарше идут группами, о чем-то оживленно разговаривают. Нагиму и интересно и странно наблюдать все это. Его представления и о деревне, и о школе, оказывается, остались где-то далеко, на какой-то отметке пятинадцатилетней давности.

Впереди показались трое неторопливо шагающих парней. Если бы сегодня не было первое сентября и у них в руках не было портфелей, то в голову бы не пришло, что это школьники. Потому что все трое были ростом выше Нагима, который считал себя выше среднего, широкоплечими и окончательно сформировавшимися юношами.

- Ребята, опаздываете.

Все трое мгновенно оглянулись на голос учителя и почти одновременно торопливо поздоровались:

- Здравствуйте.

Акмалетдин ответил на приветствие, а Нагим ничего не смог сказать. Потому что один из парней, так же, как вчера и девушка у родника, кого-то ему напомнил. Впрочем, нет, этот напомнил не кого-то другого, а его самого в юности. И хотя Нагим увидел лицо парня мельком, он сразу понял, что этот широкий лоб, чуть выступающие скулы, нос с горбинкой и узкие губы были

точной копией его самого – молодого.

- Узнал? – спросил Акмалетдин немного погодя. – Это сын нашей невестки Фагимы.

Нагим чуть не выругался. Ладно, вчерашняя старуха твердила про «старшую дочь Гульнисы», пусть, на то она и старуха. Но Акмалетдин? Свой же человек, мужик... Но и он – рот до ушей: мол, сын невестки Фагимы...

Акмалетдин, разумеется, не догадывался о чувствах и беспокойных мыслях гостя. Ему и в голову не приходило, что его слова вызывают в Нагиме раздражение. Поэтому, не задумываясь, продолжил:

- А вот та дочка нашей невестки Сары.

Нагим резко остановился и посмотрел на Акмалетдина таким выразительным взглядом, что племянник, похоже, только сейчас понял его состояние.

- Ладно, я в школу заходить не буду, - сказал Нагим и, не дожидаясь ответа Акмалетдина, свернул направо.

Он долго ходил по деревне. Понимая, что находится в своей родной деревне, и примерно зная, кому принадлежит тот или иной дом, он узнавал вроде и школу, и клуб, и магазин, но в то же время не узнавал ничего. Вот напротив него, точно в центре деревни, стоит клуб, который Нагим знал столько, сколько знал себя. Но теперь это не клуб, а Дом культуры, двухэтажный, каменный, нарядный. Рядом с ним двухэтажный кирпичный магазин, внизу – продуктовый, на втором этаже – одежда и обувь. Чуть в стороне школа, до которой Нагим так и не дошел. Она тоже построена из кирпича, в два этажа. Это уже не та деревня, в которой он родился. И дома не такие, как прежде, – сносные срубы-пятистенки под железной или шиферной крышей. В каком-то уголке души, на секунду, пробежала мысль: может, обосноваться здесь? Да, пробежала, но не осталась. Потому что это было невозможно. Люди, которые когда-то любили его, связали с ним свою судьбу, теперь живут с другими и другой жизнью, отчий дом давно принадлежит чужим людям, там ничего не осталось от прежнего хозяйства, так что Нагим даже не узнал ничего. Более того, его самого почти никто здесь не помнил...

Когда Нагим вернулся, уже был полдень. У хозяйки были готовы и баня, и обед. Акмалетдин, к тому времени завершивший дела в школе, спросил:

- Дядя, тебе как удобнее? Сначала баня, потом обед, или наоборот?

Разумеется, в другое время и он сам, и гость сочли бы более разумным сначала сходить в баню, а потом поест. Но в этот раз гости, чуть смущаясь, сказали:

- В баню схожу после обеда.

Возвращаясь с прогулки, он заглянул в магазин, поэтому вытащил из кармана бутылку водки:

- Если ты не против...

Опрокинув в себя одну за другой три рюмки, он торопливо съел полтарелки супа и вытащил из рюкзака довольно потрепанную, с лянными мехами, пятипластичную тальянку. Неторопливо, с каким-то особым удовольствием поставил ее себе на колени, плавно закинул ремень на плечо, поправил гармонь. И... дом наполнился печальной, но полной какой-то внутренней страсти, старинной мелодией. Казалось, что гармонь и гармонист – не отдельные существа, а составляют одну душу и одно тело. Печаль лилась то ли из мехов гармонии, то ли исходила из тоскующего сердца гармониста. А когда Нагим, прищурив глаза, чуть откинул, как в молодости, голову набок, негромко зашел, с Акмалетдином что-то произошло, и из его глаз потекли слезы. Потому что только Нагим умел так петь эту песню – проникающую до самого сердца.

Внезапно прекратив петь, Нагим кивнул на гармонь и сказал:

- Акмал, пусть будет память обо мне, отдай ее моему... отдай сыну Фагимы.

Потом осторожно поставил гармонь на пол, выпил еще одну рюмку и, словно спрашивая разрешения, сказал:

- Схожу, пожалуй, в баню.

...Проходя в дорогом сером плаще и новых ботинках, с небольшим дорожным чемоданом в руках, мимо родника, Нагим вдруг подумал, что здесь он впервые обнял и поцеловал Гульнису. Приблизившись к месту, где устраивались вечерние игры, вспомнил, как добивался Фагимы, а возле орешника припомнил, с каким трудом он уговорил Сару выйти за него. Мельком взглянул на верхушку кустарника и сразу отвел взгляд, потому что знал, что все равно не найдет там ни одного ореха: все плоды с этих кустов уже давно собрали другие.

Он вошел в лес, и ему снова показалось, что он слышит голос кукушки. Но на самом деле никакой кукушки не было, это ему всего лишь слышалось.

Перевод Гаухар Хасановой

Ркаил Зайдулла

Шахри Болгар

Коснулся я рукой камней надземных,
Чуть звякнул гулко чёрный минарет.
Прищурильв очи, смотрит он на землю,
Считая тех, кто шлёт ему привет.

Шахри Болгар — для нации татарской
Земля души...
То чувство живо здесь.
Прироста зёрна засеваля когда — то
Наш минарет, который вновь воскрес.

С одной девчонкой я полел на башню,
Был тайный смысл в том, — чтоб проверить дух.
Но стены гладки, лестница крутая,
К тому же у ней сломался тут каблук.

Она ко мне прижалась вдруг неволью,
На миг один лишь стали мы близки,
Но купол неба обнимал нас словно,
Мы с башней к звёздам мчались от земли...

Мы преклонились прозорливым дедам, —
Встав на колени, чуя жар в сердцах.
Молитву нашу пред любовью светлой
Поймёт Аллах, благословит Аллах.

Пусть стены гладки, лестница крутая,
Спустились, взявшись за руки, мы вниз.
С собой влекли эпоху восхищаясь,
Ступив на землю с нею обнялись.

Уходим мы отсюда потихоньку,
Кровь будоража, вновь придёт весна...
Следы исчезнут наши, пусть вдогонку
Иные наступают времена.

Но кто — то вновь девчонку — непоседу,
Обняв на башне, глянет ей в глаза...
Стоящие в веках здесь минареты,
Пусть уплывают в миг тот в небеса...

На выставке

В движении застыла Красота:
В мгновение одно века промчатся,
С картины шлёт она очей лучами
Художнику мысль — жизнь — её мечта.

Её лица молочной белизне,
Не повредит ли сих ночей прохлада?
Дыхания, чужих теней преграда
Меняют что — то в этой новизне.

Татарку — деву, вечную любовь
Он вызволял, трудясь из вод и пламя.
Каких врагов он побеждал не зная,
Чтоб ей с холста смотреть в мир без оков?!

Восторг ей шлюют на разных языках,
Глаза чужие цену ставят цепко.
У девушки в крови татарской цельно
Живут слова, звучавшие в веках...

В движении застыла Красота.
В мгновение одно века промчатся.
Коль о мечте она б не промолчала,
Какой язык избрали бы уста?

Когда наш мир проглотит темнота,
В иной Вселенной встретят всех сурово.
Чтоб возродить народ татарский снова,
Дух Урманчи — запросит Красота.

Письмо в будущее

Привет, Такташ!
Сегодня в небесах
Искал свои похождения с твоими,
Заря в своих бледнеющих лучах
Направилаь дорогами другими.

Твоя душа, кумир всей высоты
Грустила, наземь вновь с небес взирая,
Там в кровь от крыль окрашены следы, —
Волок ты крылья по земле, взлетая.
Снега идут, твои следы скрывая.

В тебе тоски божественной пора,
А холода здесь так же злы и плохи,
Тебя тогда давившие ветра,
Еще скрипят воротами эпохи.

В снегах и наши новые следы,
Хотя теперь другие песни, птицы.
Махая крыльями по — разному творцы
Идут пешком все в зимние светлицы.

Заря в своих бледнеющих лучах
Уходит вновь дорогами другими.
Но всё ещё в далёких небесах
Ищу свои похождения с твоими.

Стихов во мне бушующий фонтан,
И крылья прорезаются под взглядом.
Грядущее скрывает пусть туман,
Но ты оставь с собой мне место рядом.

* * *

Раскинувшись в степи ржаное поле,
Каким секретом тянет нас к себе,
Что хочется войти в ржаную волю
И плыть в манящей ласковой волне?

Рожь вся объята золотистой чарой,
Влечёт к себе живительной волной.
Коль окунуть в неё с тоской — печалью,
То, кажется, вернёт душе покой...

Турки

Да, скифы мы.

А. Блок

Да, турки мы!
Явил нас в мир сакральный
Наш прародитель древний Ашина.
Нас мчали вдаль крылатые тулпары
Сквозь бури, мглу, лихие времена!

Да, турки мы! —
И даже наши очи
Прищурены, чтоб лук направить в цель,
А мы зазря теряем жизни мочи,
Садясь играть в чужую карусель.

Да, турки мы!
И самой тёмной ночью
Мы спутники лихих степных волков.
Нам дают души каменные своды
И Культегина отдаляют зов.

Да, турки мы!
Не жертвами забвенья
Застыли мы в тиши, закрыв глаза,
Взметнутся сотни тысяч саблей вместе,
Помчатся рати роем на врага.

Да, турки мы!
Но даже среди турок
Всех терпеливей кажемся пока,
Коней татарских за узду мы хмуру
Еще волочим стойко сквозь века.

Да, турки мы!
С везущей нас телеги
Пусть уронили вожжи мы давно,
Но зоркий взгляд бросаем незаметно
На конь, везущий всех, его седло.

Да, турки мы!
По лесу пусть служивый
Идёт вперёд, не трояая основ!
Бывалый всадник жёстким кнутовищем
Стучит в ворота будущих веков.

Мчатся кони сквозь снега

Альфие Авзаловой

В снегах утопиию года
Какой мотив доносят в уши?
Кто плача, кто, смеясь тогда,
Теперь волнует наши души?

Мы голос давний слышим вновь,
Хотя идёт он издалёка,
Где небо чище окрашены следы,
Снега свободны для полёта.

В эпохе, взятой в снежный плен,
С обратной стороны обзора
Девчонка, превратившись в песнь,
Грустит лишённая простора.

Но кони девушку в санях
Уж мчат сквозь снежные сугробы.
Она спешит утешить нас,
Как будто слышит наши зовы.

Теряясь в сети наших слов,
Влетая песней в наши уши,
На части рвётся как любовь,
Надежду шлёт в людские души...

Из лона канувших веков
Являя чувства дорогие,
Святую дарит нам любовь!
Но мы теперь — уже другие...

Перевёл Ирек Гатин

Пророк МУХАММАД
(салаллохи алайхи вассалам)

ХАДИСЫ

Сказали Пророку: «Проклинай неверных». Он сказал: «Не прокли-
нать я послан, а помиловать».

Наилучшие науки те, которые приносят пользу.

Наилучший из всех домов тот, где сирота пользуется уважением.

Говори с людьми по мере их ума.

Лучшими юношами считайте тех, кто подражает старцам, а худ-
шие ваши старики те, кто уподобляет себя молодым.

Те, которые подают руку, лучше тех, которые берут за руку.

Усовершенствование доброго дела значимее его начинания.

Самое наихудшее из запретных (дел) — это донос.

Наилучшая милостыня дается словом.

Наилучшая милостыня — та, которая дается враждующему с вами
родственнику.

Правдивость направляет вас к доброте, а доброта — к Раю.

Нет подарка от отца детям лучшего, чем благовоспитанность.

Мумин (верующий) подобен медоносной пчеле: кроме чистого не
съедает и кроме чистого не дает.

Мумины в дружбе и сердечности подобны частицам единого тела:
когда одна из них заболевает, другие (частицы) разделяют ее боль
и страдания.

Воспитанность мужей лучше их золота.

Выплата долгов — знак набожности.

Делай добро для недобрых людей, чтобы воздержат их от совер-
шения зла.

Скрывать трудности — знак благородности.

Совершение добра в отношении родителей — это доброе деяние,
которое шлется заблаговременно (в Судный День).

Благо жизни (достигается) через добрые деяния.

Не вычеркивай дела добрые напоминанием о них (упреком).

Приветливость — добавок к дару.

Что упустил в начале жизни возмещай в конце.

Долгота власти обеспечивается справедливостью.

Дар нищего велик, хотя он мал.

Вредный собеседник подобен шайтану.

Скачок лжи — на миг, а торжество правды — до Судного Дня.

Красота слова — краткость.

Стыд человеческий — занавес.

Не жди (напрасно) верности от незнатных.

Профессия — клад.

Наилучший — тот из твоих друзей, кто наставляет тебя на добрые
поступки.

Уважай свою мать, уважай ее, уважай ее, а потом — своего отца, а
потом — других близких.

Лекарство сердец — это признание в предписании (судьбы).

Поведение человека — свидетель его происхождения.

Постоянность радости обеспечивается лицемерием с друзьями.

Власть мерзких и недостойных (людей) — беда (достойных)
мужей.

Динар скупых — камень (брошенный в тебя).

Религия человека — его слово.

Оставь непокорных (Богу) с их непокорностями (пусть узнают чего
могут достичь).

Благополучие жизни (достигается) в свете безопасности.

Один грех — много, и тысяч поклонений — мало.

Лицемерие с друзьями усиливает зрение.

Алчность унижает человека.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С. ,
Председатель редсовета.
Президент Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество»), академик РАН, Российской академии медицинских наук, почетный академик АН Башкортостана, Казахстана и Татарстана, кардиохирург

Алишина Х. Ч.
доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Асадуллин Р. М.
президент Башкортостанской организации «Ватаным», ректор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Ахметшин Р. К.
заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в Российской Федерации

Володарская Э. Ф.
член правления «Ватаным», ректор Московского института иностранных языков, главный редактор журнала «Вопросы филологии», академик РАЕН

Давлетшин Г. М.
доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Мир-Хайдаров Р.М.
писатель, заслуженный деятель искусств РТ, почетный гражданин Казахстана

Нигматулин Р. И.
член правления «Ватаным», академик Российской академии наук, директор Института океанологии РАН

Рахим Теляшев,
журналист-краевед, писатель-историк, заслуженный работник культуры РТ, г. Санкт-Петербург

Ренат Харис,
лауреат государственной премии РФ (2006 г.), народный поэт Татарстана, член Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации

Главный редактор
Ринат Мухамдиев

Исполнительный директор
Лейсан Ситдикова

Заместитель главного редактора
Марат Сафаров

Художник-дизайнер компьютерной верстки
Султан Каримов

Ответственный за распространение газеты
Ахат Мухамедов

Учредитель:
Некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным».

Газета зарегистрирована Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ.

БОЛГАРСКАЯ ИСЛАМСКАЯ АКАДЕМИЯ

В Татарстане состоялось торжественное открытие Болгарской исламской академии. В церемонии приняли участие Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов, полномочный представитель Президента РФ в ПФО Михаил Бабич, государственный советник Татарстана Минтимер Шаймиев, руководитель Федерального агентства по делам национальностей Игорь Барин, премьер-министр Республики Татарстан Алексей Песошин, Председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин.

Рустам Минниханов, Михаил Бабич и почетные гости посетили гостиничный комплекс «Кул Гали» и ознакомились с ходом строительных работ. Напомним, что возведение объекта стартовало в 2015 году. Комплекс расположен за пределами исторического вала Болгарского городища на берегу реки волга. Гостиница сможет принять до 300 гостей, для удобства которых предусмотрены СПА-салон, бассейн, теннисный корт, парковая зона, спортивные и детские площадки, подземная парковка на 220 мест.

Сегодня на объекте ведутся работы по устройству системы вентиляции, благоустройству прилегающей территории, прокладке подъездной автодороги, строительству открытого бассейна, монтажу канализационных систем, общей внутренней отделке помещений. Срок завершения строительства намечен на 2018 год.

На площади перед зданием Болгарской исламской академии состоялась церемония открытия образовательного учреждения. Мероприятие открыл муфтий Татарстана Камиль хазрат Самигуллин чтением суры из Корана. Затем слово взял полпред Президента РФ в ПФО Михаил Бабич. Он зачитал приветственную телеграмму от имени Президента России Владимира Путина.

В ходе своего выступления Михаил Бабич отметил, что создание академии позволит завершить процесс формирования трёхуровневой системы исламского образования: медресе - вуз - академия. До сегодняшнего момента такой полноценной системы в стране не существовало. Теперь, по словам полпреда Президента РФ в ПФО, российские мусульмане имеют возможность получить религиозное образование самого высокого качества в России без выезда за рубеж.

«Открытие академии позитивно скажется на формировании единых стандартов среднего и высшего исламского образования, позволит выстроить скоординированные образовательные программы. Советом по исламскому образованию уже делаются серьёзные шаги в этом направлении», - сказал Михаил Бабич. - Одна из задач академии - создание общероссийской мусульманской богословской площадки для взаимодействия отечественных мусульманских организаций и выработки единых подходов к трактовкам священных текстов и организации жизни мусульман».

Рустам Минниханов выразил слова благодарности Президенту Российской Федерации Владимиру Путину за всемерную поддержку в создании академии. «Открытие академии - историческое событие как для Татарстана и России в целом, так и для всего мусульманского мира. Здесь на болгарской земле почти 11 веков назад наши предки приняли ислам. За это время наш народ прошёл славный и нелёгкий путь, сохранив веру в Аллаха и верность великим традициям. На протяжении многих веков Болгар был местом сосредоточения имени-

Президент РФ Владимир Путин направил приветственную телеграмму участникам торжественного открытия Болгарской исламской академии:

«Уважаемые друзья!

Поздравляю вас с большим, знаменательным событием - открытием в Республике Татарстан Болгарской исламской академии.

Реализация этой значимой, востребованной временем инициативы стала возможной благодаря созидательному единению авторитетных мусульманских организаций, их стремлению внести весомый вклад в укрепление духовных, нравственных основ нашего общества, в гармонизацию межнациональных и межрелигиозных отношений.

Болгарская академия призвана возродить традиции отечественной исламской богословской школы, стать общероссийским центром развития мусульманского образования. В её стенах будет осуществляться подготовка высококвалифицированных религиозных деятелей, проводиться серьёзная научная, исследовательская работа, воплощаться в жизнь масштабные социальные, культурные, просветительские, информационные проекты.

Уверен, что выпускники академии смогут получить уникальные знания, станут важной опорой мусульманской общины, своим трудом будут содействовать сохранению мира и согласия в стране.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации В.В. Путин».

тых учёных-богословов. Открывая в его сердце исламскую академию, мы возрождаем былое величие», - подчеркнул Президент Татарстана.

Здание академии было построено в максимально короткие сроки. Так, в мае прошлого года состоялась церемония закладки первого камня в основание фундамента, а сегодня здесь уже приняты первые учащиеся. Р.Н. Минниханов выразил особую благодарность первому Президенту Татарстана Минтимеру Шариповичу Шаймиеву, благотворителям и всем тем, кто внёс свой вклад в это значимое дело. Отдельно отметил Алишера Усманова, который принял самое активное участие в финансировании проекта.

«Надеюсь, Болгарская академия станет одним из ведущих научно-образовательных и духовно-просветительских центров, а также твёрдым и последовательным проводником традиционных исламских ценностей», - заявил Рустам Минниханов.

«Для мусульман России Древний Болгар является священным местом, - сказал в свою очередь Минтимер Шаймиев, - это место добровольного принятия ислама на нынешней территории Российской Федерации.» Он обратил внимание, что Болгар всегда был местом притяжения именитых учёных и признанным центром классической ханафитской богословской школы, а также одним из признанных интеллектуальных центров своего времени наряду с Каиром, Стамбулом, Багдадом, Самаркандом. «Болгарская исламская академия призвана сохранить единство мусульманской уммы, мир и согласие в стране, возродить богатое богословское наследие и духовные традиции предков. Здесь будет осуществляться подготовка интеллектуальной элиты мусульманской уммы страны: магистров и докторов исламского богословия», - подчеркнул государственный советник РТ.

Глава Федерального агентства по делам национальностей Игорь Барин заметил, что развитие системы традиционного религиозного образования и духовного просвещения особенно важно в условиях, «когда против России развёрнута настоящая идеологическая информационная война, цель которой подорвать нравственное здоровье нации, разделить российский народ по национальным, конфессиональным, политическим и другим признакам». По его мнению, именно образование является одной из наиболее эффективных сфер противодействия информационной агрессии.

«Грамотная системная подготовки и переподготовки исламских священнослужителей, отвечающая вызовам современности - наша с вами стратегическая задача, - обратился Игорь Барин к участникам мероприятия. - Мы исходим из того, что результатами нашей совместной деятельности, помимо снижения уровня религиозного экстремизма, должно стать формирование отечественной исламской богословской школы, повышение конкурентоспособности российских исламских учебных заведений, поступательное развитие образовательного процесса в медресе и колледжах».

В рамках церемонии открытия академии председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил хаджи Бердиев вручил Президенту Татарстана Рустаму Минниханову и государственному советнику РТ Минтимеру Шаймиеву ордена «За заслуги перед уммой Северного Кавказа».

В церемонии также приняли участие президент Болгарской исламской академии Камиль Исхаков, председатель ЦДУМ РФ Талгат Таджуддин, председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, муфтий Духовного управления России Альбир Крганов, представители различных религиозных конфессий и другие официальные лица.

Пресс-служба Президента РТ, Булат Низамеев.

ВНИМАНИЕ — ПОДПИСКА-2017

Уважаемые читатели!

Открылась подписная кампания на первое полугодие 2018 года. Оформить подписку на газету «Татарский мир» можно во всех отделениях «Почты России» по индексу П3735 в каталоге «Почта России». Также вы можете подписаться в режиме онлайн на специальном сайте Почты России podpiska.pochta.ru. Мы ценим и уважаем каждого нашего читателя. И впрямь будем стараться сохранять многолетний статус газеты, стремясь к непредвзятому осмыслению истории татарского народа, культуры и современных проблем. Мы продолжим публикацию материалов в рамках постоянных рубрик: «Выдающиеся просветители», «Восточная мозаика», «Мир искусства», «Парадоксы истории» и многих других. Любителей литературы будем знакомить с произведениями современных татарских писателей и поэтов. Самым маленьким нашим читателям адресована рубрика «Балам-багалмам». Наша газета всегда предоставляет возможность авторам и читателям обмениваться мнениями, публиковать свои статьи, иллюстрации и комментарии к ним. Мы благодарны вам за каждый визит в редакцию, письмо или звонок. Ваша критика и помощь позволяют делать газету интересной, насыщенной и актуальной. **Надемся на дальнейшее сотрудничество!**

Подписано в печать
08.09.2017
Отпечатано в типографии
ООО «Фолук Групп».
Тираж 15 000 экз.

Адрес редакции:
115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.
Телефоны: (495) 951-16-94,
951-02-38 (по вопросам подписки
и распространения).
E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Свидетельство о регистрации СМИ
П/И № ФС77-18851 от 10.11.2004.

При реализации проекта используются средства государственной поддержки (грант) в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11-рп и на основании конкурса, проведенного Региональной общественной организацией «Институт проблем гражданского общества».